

А. Трайнинъ.

XIX
65

к

СИСТЕМА ДИСЦИПЛИНАРНАГО ПРОЦЕССА

ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ И ИХЪ ПОМОЩНИКОВЪ.

Оттискъ изъ „Исторіи Адвокатуры“ т. II.

МОСКВА.
1918.

511-65

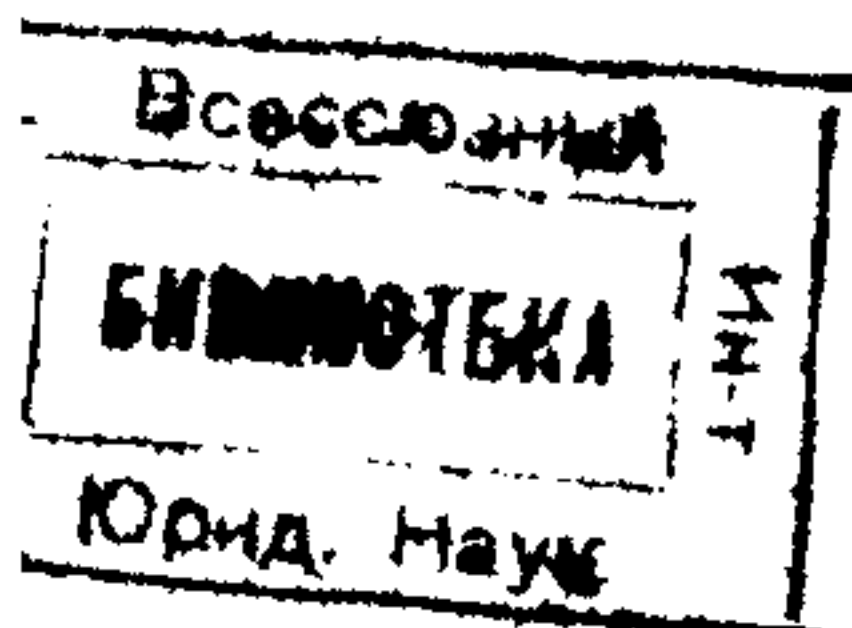
чагирь

Ант

БИБЛИОТЕКА
Всесоюзного
научно-исследовательского института
Саратовского государственного университета

19872

K

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дисциплинарное производство въ Совѣтахъ присяжныхъ повѣренныхъ.

§ 1. Возбужденіе дисциплинарнаго производства.

I.

Основанія возбужденія дисциплинарнаго производства.

Въ законѣ нѣтъ указаній относительно порядка возбужденія дисциплинарнаго производства. П. 2 ст. 367, опредѣляющій дисциплинарную власть Совѣта, говоритъ съ одной стороны о «разсмотрѣніи жалобъ на дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ», съ другой—о «наблюденіи за точнымъ исполненіемъ» присяжными повѣренными «законовъ, установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ ими на себя обязанностей, сообразно съ пользой ихъ довѣрителей». Если понятіе «жалобы» включаетъ въ себя заявленіе потерпѣвшихъ отъ неправильныхъ дѣйствій повѣреннаго, то, очевидно, въ порядкѣ «наблюденія» Совѣтъ можетъ начать дисциплинарное производство и въ рядѣ другихъ случаевъ. Каковы эти случаи?

Наказы даютъ на этотъ вопросъ отвѣтъ весьма неполный. Лишь въ «правилахъ» Казанскаго Совѣта мы встрѣчаемъ положеніе, пытающееся формулировать основанія къ возбужденію дисциплинарнаго производства: «дисциплинарное производство противъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ возбуждается: по сообщеніямъ учреждений, частныхъ и должностныхъ лицъ, по ходатайству самихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ о разсмотрѣніи ихъ дѣйствій и по непосредственному усмотрѣнію Совѣта» (§ 1).

Историческій очеркъ Саратовскаго Совѣта отмѣчаетъ, что по всякой жалобѣ или сообщенію лица или учре-

1999

05

1966

1957 г.

ж д е н і я дается ходъ» (стр. 11). Еще неопредѣленнѣе «правила» Одесскаго Совѣта указываютъ, что «по каждой жалобѣ, поступающей въ Совѣтъ, предсѣдателемъ должно быть затребовано объясненіе».

Отсутствіе даже въ имѣющихся наказахъ отчетливыхъ опредѣленій основаній возбужденія дисциплинарнаго производства не является, однако, признакомъ того, что основанія эти по существу сложны или неясны. Напротивъ, только тѣмъ фактомъ, что принципъ самой широкой конструкціи инициативы дисциплинарнаго производства является твердо установившимся въ дисциплинарной практикѣ и отъ нея неотдѣлимымъ, можно объяснить, что не вездѣ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ видѣлъ необходимымъ закрѣплять этотъ принципъ особыми формулами. Если слѣдовать установившейся дисциплинарной практикѣ и приведенной выше формулѣ Казанскаго наказа, можно будетъ намѣтить слѣдующую систему инициативныхъ дѣйствій, служащихъ основаніемъ дисциплинарнаго производства.

1. Х о д а т а й с т в а. Въ практикѣ членовъ сословія могутъ встрѣчаться дѣйствія, правильность или желательность коихъ вызываетъ сомнѣнія. Таковы напр. случаи отказа отъ защиты или, наоборотъ, принятія защиты при обстоятельствахъ, которыя вызываютъ различную оцѣнку въ товарищеской или общественной средѣ. Въ этихъ случаяхъ со стороны члена сословія, совершившаго дѣйствіе, послужившее основаніемъ критики, возможно ходатайство передъ Совѣтомъ о разсмотрѣніи въ дисциплинарномъ порядкѣ его дѣйствій. Съ такими ходатайствами, какъ основаніями для дисциплинарнаго производства, не слѣдуетъ смѣшивать ходатайствъ иного рода, также исходящихъ отъ отдѣльныхъ членовъ сословія и касающихся конкретныхъ случаевъ, но имѣющихъ цѣлью вызвать принципиальное постановленіе Совѣта; а не дисциплинарный приговоръ. Примѣры ходатайствъ перваго рода нерѣдки въ практикѣ Совѣтовъ. Въ качествѣ иллюстраціи ходатайствъ второй категоріи можно сослаться на случай и по существу не лишенный интереса, имѣвшій мѣсто въ Петроградскомъ Совѣтѣ. Присяжный повѣренный, назначенный Совѣтомъ для веденія дѣла лица, пользующагося правомъ бѣдности, заявилъ Совѣту, что онъ находитъ совершенно невозможнымъ самое предъявленіе иска по

порученному ему дѣлу, и, представивъ въ подтвержденіе этого документы, переданные ему довѣрителемъ, просилъ Совѣтъ разъяснить ему, обязанъ ли онъ вести дѣло, какое самъ признасть невозможнымъ¹⁾. Въ отличіе отъ такого рода ходатайствъ о руководящемъ разъясненіи Совѣта ходатайства, какъ основанія для дисциплинарнаго производства, должны имѣть своимъ предметомъ конкретныя дѣйствія, уже совершенныя лицомъ, ходатайствующимъ передъ Совѣтомъ объ ихъ дисциплинарной оцѣнкѣ.

2. Ж а л о б ы. Сюда относятся заявленія лицъ, непосредственно потерпѣвшихъ отъ неправильныхъ дѣйствій повѣреннаго. Такими лицами могутъ быть и довѣрители повѣреннаго, и противная сторона, товарищи по сословію и третьи лица.

Жалобы на дѣйствія присяжнаго повѣреннаго могутъ облекаться и въ форму п р о с ь б ы о содѣйствіи со стороны Совѣта.

3. З а я в л е н і я лицъ, непосредственно не понесшихъ ущерба отъ дѣйствій повѣреннаго, но по тѣмъ или инымъ соображеніямъ возбудившихъ вопросъ о дисциплинарномъ разслѣдованіи этихъ дѣйствій.

4. С о о б щ е н і я п р и с у т с т в е н н ы х ъ м ѣ с т ѣ и должностныхъ лицъ. Присяжный повѣренный по роду своей дѣятельности приходитъ въ постоянное соприкосновеніе съ присутственными мѣстами; при выступленіяхъ на судѣ, въ прошеніяхъ, подаваемыхъ суду, или въ устной бесѣдѣ съ должностными лицами могутъ быть допущены неправильныя или некорректныя дѣйствія, о которыхъ само присутственное мѣсто или должностное лицо признаетъ нужнымъ сообщить Совѣту. Такія сообщенія естественно могутъ служить основаніемъ къ возбужденію противъ члена сословія дисциплинарнаго преслѣдованія. Въ одномъ изъ раннихъ журналовъ Петро-

¹⁾ Въ отвѣтъ на это ходатайство Совѣтъ предложилъ присяжному повѣренному прежде всего дать его кліенту обстоятельное разъясненіе о причинахъ, по которымъ онъ находитъ невозможнымъ веденіе порученнаго ему дѣла, а, затѣмъ, если кліентъ его, несмотря на такое разъясненіе, все-таки потребуеъ веденія дѣла, то исполнить возложенную на него закономъ и Совѣтомъ обязанность, т.-е. вести это дѣло, согласно желанію лица, пользующагося правомъ бѣдности. (Отчетъ 79/80 г., стр. 6—7.)

градскаго Совѣта особо подчеркнута необходимость серьезнаго вниманія къ сообщеніямъ присутственныхъ мѣстъ; Совѣтъ, указывается въ этомъ журналѣ, «постоянно входитъ въ разсмотрѣніе сообщеній, которыми Судебная Палата, окружные суды, мировые съѣзды увѣдомляли его о замѣченныхъ ими упущеніяхъ или неправильныхъ дѣйствіяхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Только при такомъ образѣ дѣйствія Совѣта, возможно, съ одной стороны, исполненіе лежащей на немъ обязанности наблюденія за дѣятельностью присяжныхъ повѣренныхъ, а съ другой стороны, поддержаніе довѣрія судебной власти и общества къ институту присяжныхъ повѣренныхъ и представителямъ его. Если бы Совѣтъ оставлялъ безъ вниманія сообщаемыя ему свѣдѣнія о дѣйствіяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было бы распространеніе въ обществѣ самыхъ невыгодныхъ слуховъ о присяжныхъ повѣренныхъ и принесеніе на нихъ жалобъ помимо порядка, установленнаго закономъ,—порядка, одинаково обезпечивающаго и интересы частныхъ лицъ, и интересы присяжныхъ повѣренныхъ» ¹⁾).

Сообщеніе судовъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ должно быть согласовано съ общими условіями производства дисциплинарныхъ дѣлъ. Такъ какъ производство по дисциплинарнымъ дѣламъ происходитъ непублично, то судъ не можетъ въ резолютивной части постановлять о сообщеніи Совѣту относительно неправильныхъ дѣйствій присяжнаго повѣреннаго. Съ этимъ вопросомъ встрѣтился Харьковскій Совѣтъ. Въ засѣданіи 30 сентября 1886 года ²⁾ Харьковскій Совѣтъ разрѣшалъ дисциплинарное дѣло, возникшее по сообщенію окружнаго суда о неправильныхъ дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго, которыя обнаружились предъ окружнымъ судомъ при производствѣ гражданскаго дѣла. Обсудивъ это дисциплинарное дѣло и постановивъ обвинительный приговоръ, Совѣтъ «не могъ не остановить своего вниманія» на томъ обстоятельстве, что распоряженіе суда о передачѣ на обсужденіе Совѣта дѣйствій повѣреннаго—было включено въ резолюцію, постановленную по гражданскому дѣлу въ публичномъ судебномъ засѣданіи, затѣмъ и въ изло-

¹⁾ Журналъ 24 марта 1871 г. (Макалинскій, стр. 249—250).

²⁾ Отчетъ 1886—1887 г., стр. 29.

женное въ окончательной формѣ опредѣленіе окружнаго суда, при чемъ въ этомъ опредѣленіи рядомъ съ мотивами постановленія суда по процессуальному вопросу, возбужденномъ въ гражданскомъ дѣлѣ, изложены и соображенія, по коимъ судъ нашель, что дѣйствія присяжнаго повѣреннаго могутъ быть, въ дисциплинарномъ порядкѣ, признаны—нѣкоторыя неправильными, а другія предосудительными.

Точно такое же обстоятельство остановило на себѣ вниманіе Совѣта и въ другомъ дисциплинарномъ дѣлѣ, возникшемъ по сообщенію того же суда о дѣйствіяхъ другого присяжнаго повѣреннаго и еще не разрѣшенномъ Совѣтомъ по существу обвиненія: и въ этомъ случаѣ распоряженіе суда о передачѣ тѣхъ дѣйствій на обсужденіе Совѣта включено судомъ въ резолюцію его, постановленную въ публичномъ судебномъ засѣданіи по существу разрѣшеннаго судомъ гражданского спора, а затѣмъ въ рѣшеніи, изложенномъ въ окончательной формѣ, приведены мотивы, по коимъ судъ призналъ необходимымъ возбужденіе противъ повѣреннаго дисциплинарнаго производства.

Наконецъ, то же самое имѣло мѣсто и при возбужденіи въ 1887 году дисциплинарнаго производства противъ одного присяжнаго повѣреннаго: распоряженіе окружнаго суда о передачѣ этихъ дѣйствій на обсужденіе Совѣта было включено въ резолюцію, постановленную въ публичномъ судебномъ засѣданіи, и въ рѣшеніи по гражданскому спору. Между тѣмъ, дисциплинарное производство окончилось въ Совѣтѣ безусловнымъ оправданіемъ повѣреннаго, каковой приговоръ Совѣта вступилъ въ законную силу.

Принявъ во вниманіе, что «каждая постановленная судомъ по гражданскому (или по уголовному) дѣлу резолюція провозглашается въ открытомъ засѣданіи суда (700 ст. Уст. Гр. Суд.), что каждое изложенное въ окончательной формѣ постановленіе суда открыто всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, которыя могутъ получать копіи и выписки изъ того постановленія въ неограниченномъ количествѣ экземпляровъ (704, 715 и 716 ст. Уст. Гр. Суд. и гражд. кас. рѣш. 1880 года, № 39) и что какъ резолюція, такъ и рѣшеніе, постановленные въ судебномъ засѣданіи, могутъ быть оглашены во всеобщее свѣдѣніе путемъ пе-

чати (Уст. ценз., по Прод. 1876 г., прилож. къ ст. 4, примѣч., ст. 14 врем. прав. о цензурѣ)», Совѣтъ призналъ, что включеніе въ резолюцію суда, постановляемую въ засѣданіи судебномъ, а затѣмъ въ изложенное на письмѣ постановление суда распоряженія его о передачѣ на обсужденіе Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ дѣйствій членовъ этого сословія представляется для послѣднихъ пріемомъ крайне нежелательнымъ и совершенно неудобнымъ, такъ какъ, благодаря этому пріему возбужденія дисциплинарныхъ дѣлъ о присяжныхъ повѣренныхъ ихъ доброе имя публично подвергается сомнѣнію прежде, чѣмъ они могли представить компетентному въ надзорѣ за ними учрежденію свои объясненія и оправданія и прежде, чѣмъ это учрежденіе осудило ихъ дѣйствія въ своемъ приговорѣ (2 и 8 п. 367 ст., 371 ст. Учр. Суд. Уст.). Совѣтъ въ обоснованіе своего взгляда сослался и на прямое указаніе закона: съ одной стороны, по точному смыслу 701, 706, 711 и 712 ст. Уст. Гр. Суд. въ резолюцію и въ постановление суда не должно быть включаемо ничего посторонняго, что не стоитъ въ необходимой связи съ разрѣшаемымъ споромъ тяжущихся, а для разрѣшенія спора ихъ представляется, очевидно, постороннимъ вопросъ объ отвѣтственности присяжныхъ повѣренныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ за совершенныя ими неправильныя дѣйствія (374 ст. Учр. Суд. Уст.). Притомъ же рѣшеніе суда должно составлять лишь выводъ его изъ данныхъ судебного производства, относящихся къ предмету спора (ст. 339 Уст. Гр. Суд.), а вопросъ о предосудительности поступковъ присяжнаго повѣреннаго не можетъ быть предметомъ состязанія сторонъ ни въ силу ст. 339, ни въ виду ст. 249 того же Устава, по которой присяжный повѣренный представляетъ собою лицо тяжущагося въ судѣ и потому не въ правѣ смѣнять эту роль свою на роль защитника личныхъ своихъ интересовъ и добраго своего имени противъ сомнѣній, возбуждаемыхъ судомъ о качествахъ его поступковъ. А съ другой стороны, всѣ вообще вопросы, возникающіе въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности, по Учр. Суд. Уст. подлежатъ разрѣшенію въ распорядительныхъ засѣданіяхъ (2 и 5 п. 151, 274, 281 ст.). «Признавъ по всѣмъ изложеннымъ основаніямъ, что практикуемый окружнымъ судомъ способъ возбужденія дисциплинарныхъ дѣлъ противъ присяжныхъ повѣренныхъ представляется крайне нежелательнымъ

и неоснованнымъ на законѣ, и что принятіе мѣръ къ возстановленію въ указанномъ отношеніи законнаго порядка должно зависѣть отъ Г. Старшаго Предсѣдателя Харьковской Судебной Палаты (ст. XIII пун. 3 закона 20 мая 1885 года о дисциплинарной отвѣтственности чиновъ судебнаго вѣдомства), Совѣтъ опредѣлилъ: о вышеизложенномъ довести до свѣдѣнія Г. Старшаго Предсѣдателя Харьковской Судебной Палаты чрезъ сообщеніе копіи настоящаго постановленія»¹⁾. Опредѣленіе это и было исполнено 3 ноября 1886 года.

5. Инициатива Совѣта. Въ стремленіи использовать въ полной мѣрѣ право самоконтроля, осуществляемое въ порядкѣ дисциплинарнаго суда, Совѣты помимо четырехъ названныхъ обращаются еще къ одному способу возбужденія дисциплинарнаго производства,—способу субсидіарному, призванному какъ бы выполнять могущіе образоваться пробѣлы въ дисциплинарномъ надзорѣ, вслѣдствіе того, что то или иное дѣйствіе присяжнаго повѣреннаго, по существу неправильное, не служитъ предметомъ ходатайства, жалобы, заявленія или сообщенія въ Совѣтъ.

Мы имѣемъ въ виду инициативу самого Совѣта, возбуждающаго дисциплинарное обвиненіе на основаніи дошедшихъ до него (наприм. черезъ печать) свѣдѣній о неправильныхъ дѣйствіяхъ повѣреннаго.

Давая общую оцѣнку выработанныхъ дисциплинарной практикой основаній къ возбужденію дисциплинарнаго производства, нельзя не отмѣтить, что они проникнуты идеей возможно широкаго осуществленія права сословнаго контроля надъ присяжными повѣренными. Частное лицо, офиціальное учрежденіе, или самъ присяжный повѣренный ходатайствуетъ передъ Совѣтомъ о дисциплинарномъ производствѣ,—послѣдній неуклонно приступаетъ къ разслѣдованію, а при достаточности основаній и къ дисциплинарной оцѣнкѣ инкриминируемыхъ дѣйствій. Основанія возбужденія дисциплинарнаго производства такимъ образомъ шире основаній къ возбужденію уголовнаго обвиненія: здѣсь нѣтъ ограниченія возбужденія нѣкоторыхъ

¹⁾ Отчетъ 1885—1886 г., стр. 187.

дѣлъ лишь по жалобѣ потерпѣвшихъ ¹⁾ (дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ и другія)—и, съ другой стороны, есть совершенно чуждый природѣ уголовного правосудія порядокъ—порядокъ возбужденія дисциплинарнаго производства по ходатайству члена сословія, пожелавшаго выслушать мнѣніе Совѣта о своихъ дѣйствіяхъ.

Допуская широкую возможность привлеченія къ дисциплинарной отвѣтственности членовъ сословія, Совѣты, естественно, не связаны поступившими жалобами: ознакомившись съ ними, Совѣтъ постановляетъ о возбужденіи или невозбужденіи дисциплинарнаго обвиненія, въ зависимости исключительно отъ обстоятельствъ дѣла. Въ этомъ смыслѣ сообщеніе присутственнаго мѣста не имѣетъ большей силы, чѣмъ жалоба частнаго лица. Въ 1911 году на общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ округа Одесской Палаты при обсужденіи отчета за 1909 годъ присяжнымъ повѣреннымъ В. былъ возбужденъ вопросъ о правильности и цѣлесообразности такого порядка. Ораторъ предлагалъ по сообщеніямъ присутственныхъ мѣстъ, хотя бы по существу и не было достаточнаго повода къ возбужденію дисциплинарнаго производства, дисциплинарное производство все же возбуждать и постановлять не «дѣло по производству не принято», а «сообщеніе оставлено безъ послѣдствій». Это предложеніе, однако, не было принято.

По ф о р м ѣ обращенія въ Совѣтъ могутъ быть письменныя и словесныя. Послѣднія председателемъ (или секретаремъ, какъ напр. въ Московскомъ Совѣтѣ) Совѣта вносятся въ особый протоколъ, который по возможности подписывается тѣмъ, къ кому сообщеніе дѣлается. Письменныя сообщенія должны быть составлены на русскомъ языкѣ. Въ видѣ исключенія, однако, практика знаетъ и случаи движенія дисциплинарнаго производства по жалобамъ, написаннымъ на иностранныхъ языкахъ ²⁾.

¹⁾ Лишь въ нѣкоторыхъ дѣлахъ (напр., по истребованію отчета) Совѣтъ (напр., въ Москвѣ) не возбуждаетъ дисциплинарнаго производства, если нѣтъ жалобы довѣрителя.

²⁾ Петрогр. отчетъ 85—86 г., стр. 25—26, жалоба Висбаденскаго кондитера на прис. пов. Г.

II.

Инициатива возбужденія дисциплинарнаго производства.

Согласно ст. 351 Учр. Суд. Уст. «ни одно изъ упомянутыхъ въ 368 ст. взысканій не можетъ быть назначено Совѣтомъ безъ предварительнаго истребованія отъ обвиняемаго объясненій въ опредѣленный Совѣтомъ срокъ». Такъ какъ по точному указанію ст. 371 не начало дисциплинарнаго производства, а лишь назначеніе взысканія обусловлено предварительнымъ истребованіемъ объясненій, то отсюда непосредственно вытекаетъ, что это истребованіе предполагаетъ дисциплинарное производство уже начатымъ: только тогда, когда вопросъ о возбужденіи дисциплинарнаго производства уже рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и встаетъ вопросъ о «назначеніи взысканія», наступаетъ очередь предусмотрѣнному ст. 371-й истребованію объясненій. Только при такомъ пониманіи становится яснымъ текстъ ст. 371, говорящей объ истребованіи объясненій отъ обвиняемаго. Но если истребованіе объясненій предполагаетъ дисциплинарное производство начатымъ, то возникаетъ вопросъ о начальномъ моментѣ дисциплинарнаго производства: гдѣ тотъ актъ, то постановленіе, съ исполненіемъ котораго дисциплинарное производство должно почитаться начатымъ?

Въ виду отсутствія въ законѣ по этому поводу опредѣленныхъ указаній и несогласованности дѣйствующихъ наказовъ, порядокъ возбужденія дисциплинарнаго производства сложился по отдѣльнымъ округамъ неоднородно, а иногда и недостаточно отчетливо.

Въ качествѣ основного можетъ быть отмѣченъ порядокъ, принятый Московскимъ, Харьковскимъ и Саратовскимъ Совѣтами. «По всякой поданной жалобѣ», указываетъ «Историческій очеркъ» Саратовскаго Совѣта, «или сообщенію лица, или учрежденія дается ходъ истребованіемъ объясненій по резолюціи Предсѣдателя» ¹⁾. «Въ исключительныхъ случаяхъ Предсѣда-

¹⁾ «Историческій очеркъ», стр. 11.

телемъ Совѣта о дѣйствіяхъ лица, принадлежащаго къ сословію, составляется протоколъ, который докладывается Совѣту, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе вопроса о возбужденіи или невозбужденіи дисциплинарнаго производства». Такимъ образомъ возбужденіе или невозбужденіе дисциплинарнаго производства по общему правилу зависитъ отъ предсѣдателя. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ требуется постановленіе Совѣта. Саратовскія правила не даютъ указаній относительно существа этихъ случаевъ. Въ саратовскомъ опредѣленіи поэтому самая передача жалобы или сообщенія на постановленія Совѣта зависитъ отъ воли предсѣдателя. Правила Московскаго и Харьковскаго Совѣтовъ идутъ инымъ путемъ и указываютъ, по какимъ дѣламъ для возбужденія дисциплинарнаго производства недостаточно резолюціи предсѣдателя, а необходимо постановленіе Совѣта. «По принятому съ начала 80-хъ годовъ порядку», указываетъ Харьковскій Совѣтъ въ засѣданіи 11 ноября 1887 года ¹⁾, «по такимъ жалобамъ, заявленіямъ и сообщеніямъ предсѣдательствующій безъ предварительнаго доклада ихъ Совѣту—приглашаетъ присяжныхъ повѣренныхъ къ представленію ихъ объясненій, установленныхъ 371 ст. Учр. Суд. Уст.».

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда, вслѣдствіе несовпаденія мѣста приписки обвиняемаго присяжнаго повѣреннаго (ст. 356 Учр. Суд. Уст.) съ мѣстомъ совершенія инкриминируемаго проступка (ст. 356 Учр. Суд. Уст.) можетъ возникнуть сомнѣніе о компетентности Совѣта къ разрѣшенію дисциплинарнаго дѣла, или когда по неопредѣленности содержанія вступившей бумаги предсѣдательствующій затрудняется вопросомъ о томъ, заключаетъ ли бумага заявленіе о такихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго, которыя могутъ подлежать разсмотрѣнію Совѣта въ порядкѣ дисциплинарномъ, а также въ другихъ подобныхъ случаяхъ, вопросъ о направленіи производства по вступившей бумагѣ вносится на обсужденіе Совѣта. Согласно практикѣ Харьковскаго Совѣта такимъ образомъ въ двухъ случаяхъ необходимо постановленіе Совѣта: 1) когда вслѣдствіе несовпаденія мѣста приписки и мѣста совершенія проступка

¹⁾ Отчетъ 86—87 г., стр. 29—31.

возникаетъ споръ о подсудности, и 2) когда вслѣдствіе неясности содержанія сообщенія или жалобы возникаетъ сомнѣніе въ томъ, содержится ли въ нихъ указаніе на дисциплинарное нарушеніе. Московскій Совѣтъ также ставитъ условіемъ достаточности резолюціи предсѣдателя указаніе въ жалобѣ опредѣленнаго «профессіональнаго нарушенія», но дополнительно вмѣсто указанія на сомнѣнія въ подсудности требуетъ, чтобы жалобы были непременно подписаны и «не содержали укорительныхъ выраженій». «Всѣ прочія жалобы и сообщенія докладываются Предсѣдателемъ Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта, отъ котораго и зависитъ ихъ дальнѣйшее направленіе» (§ 17). Въ практикѣ Казанскаго Совѣта послѣдній въ качествѣ органа, начинающаго дисциплинарное производство, не указанъ: согласно § 13 правилъ «особыхъ опредѣленій о возбужденіи дисциплинарнаго производства» Совѣтъ не постановляетъ. Такъ какъ «одновременно съ сообщеніемъ копій Предсѣдатель предлагаетъ обвиняемому дать по содержанію ихъ объясненія», то, очевидно, началомъ дисциплинарнаго производства въ Казанскомъ округѣ служитъ резолюція предсѣдателя, предлагающаго обвиняемому представить объясненія въ назначенный срокъ.

Во всѣхъ названныхъ случаяхъ практика по дисциплинарнымъ дѣламъ вполне согласована съ мыслью ст. 371: прежде истребованія отъ обвиняемаго объясненій рѣшается вопросъ о возбужденіи дисциплинарнаго производства. Въ Москвѣ, Харьковѣ и Саратовѣ это рѣшеніе по общему правилу выражается въ соотвѣтствующей резолюціи предсѣдателя, и лишь въ особыхъ случаяхъ требуется постановленіе Совѣта; въ Казани резолюція предсѣдателя разрѣшаетъ всѣ случаи.

Особое положеніе занимаетъ въ этомъ отношеніи практика Одесскаго Совѣта: ею установленъ порядокъ затребованія объясненій до рѣшенія вопроса о возбужденіи или невозбужденіи дисциплинарнаго производства: «По каждой жалобѣ», говорятъ правила Одесскаго Совѣта, «поступающей въ Совѣтъ, Предсѣдателемъ должно быть затребовано объясненіе отъ того присяжнаго повѣреннаго, на дѣйствія коего принесена жалоба». Чтобы согласовать этотъ порядокъ съ требованіемъ ст. 371, Одесскій Совѣтъ

оказался вынужденнымъ допустить возможность повторнаго истребованія объясненій уже послѣ возбужденія дисциплинарнаго производства, такъ какъ «дѣло передается Предсѣдателемъ Совѣта одному изъ членовъ Совѣта, на обязанности коего лежитъ производство повѣрочныхъ дѣйствій», къ которымъ, очевидно, можетъ быть отнесено и повторное истребованіе объясненія.

Такимъ образомъ, дисциплинарной практикой Совѣтовъ выработаны два способа возбужденія дисциплинарнаго производства: резолюція предсѣдателя и постановление Совѣта. Оба они не встрѣчаютъ препятствій въ законѣ и оба согласованы со ст. 371, поскольку истребованіе объясненій обращается къ обвиняемому, т.-е. послѣ возбужденія дисциплинарнаго производства резолюціей ли предсѣдателя или постановленіемъ Совѣта.

Дисциплинарной практикѣ извѣстенъ, однако, случай, когда правомѣрность перваго способа—возбужденія дисциплинарнаго производства резолюціей предсѣдателя—вызвала сомнѣнія. 11 ноября 1884 г. Харьковскій Совѣтъ по предложенію своего предсѣдателя обсуждалъ вопросъ о порядкѣ производства дисциплинарныхъ дѣлъ вслѣдствіе поступившаго отъ одного присяжнаго повѣреннаго заявленія о неправильности истребованія объясненій по резолюціи предсѣдателя. Присяжный повѣренный, возбудившій этотъ вопросъ, сомнѣніе свое основывалъ на томъ соображеніи, что при существующемъ порядкѣ требованія объясненій напрасное безпокойство можетъ быть доставлено присяжному повѣренному въ томъ случаѣ, если впослѣдствіи Совѣтъ признаетъ, что въ жалобѣ, заявленіи или сообщеніи не заключалось повода къ дисциплинарному производству. Послѣ тщательнаго обсужденія возбужденнаго вопроса, Совѣтъ высказался за сохраненіе прежняго порядка; при этомъ его аргументація съ достаточной полнотой вскрыла правовую возможность и практическую цѣлесообразность этого порядка. Совѣтъ нашелъ ¹⁾: а) что практикуемый Совѣтомъ въ теченіе болѣе пяти лѣтъ порядокъ требованія объясненій, установленныхъ 371 и 372 ст. Учр. Суд. Уст., до сихъ поръ не вызвалъ никакихъ ни

¹⁾ Харьковскій отчетъ 1886—1887 г., стр. 29—31.

затрудненій, ни протестовъ или жалобъ и никѣмъ не былъ оспариваемъ; б) что порядокъ этотъ не противорѣчитъ разуму 371 ст. Учр. Суд. Уст.; в) что онъ необходимъ для того, чтобы теченіе дисциплинарнаго производства не замедлялось, между тѣмъ какъ при требованіи объясненій по постановленію Совѣта т а к о е з а м е д л е н і е было бы неизбѣжно вообще и особенно въ лѣтнее время, когда составленіе присутствія Совѣта въ законенномъ порядкѣ (375 ст. Учр.) бываетъ крайне затруднительно; г) что предварительное обсужденіе Совѣтомъ всѣхъ жалобъ, заявленій и сообщеній о неправильныхъ дѣйствіяхъ повѣренныхъ вызвало бы замедленіе и въ движеніи всѣхъ иныхъ дѣлъ или поставило бы Совѣтъ въ необходимость увеличить число засѣданій, которыхъ и теперь приходится обыкновенно (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) по одному на каждую недѣлю, и д) что требованіе объясненій, вообще не обязывающее повѣренныхъ къ непремѣнному представленію ихъ (372 ст. Учр. Суд. Уст.), не можетъ почитаться напраснымъ причиненіемъ имъ безпокойства, такъ какъ они сами заинтересованы въ томъ, чтобы Совѣтъ располагалъ возможно полнымъ матеріаломъ при постановленіи опредѣленій его по тѣмъ жалобамъ, заявленіямъ и сообщеніямъ, и чтобы опредѣленія эти, всегда сообщаемыя въ копіяхъ прокурору Палаты (370 ст. Учр.), были достаточно обоснованы.

III.

Истребованіе объясненій.

Непосредственнымъ дѣйствіемъ, слѣдующимъ за возбужденіемъ дисциплинарнаго производства и съ нимъ порой (Казанскій округъ) нераздѣльно слитнымъ ¹⁾, является истребованіе, согласно ст. 371, объясненій отъ обвиняемаго. Опредѣленіе срока, въ который обвиняемому надлежитъ представить объясненія, закономъ предоставлено Совѣту. По установившейся практикѣ этотъ срокъ въ большинствѣ случаевъ—двухнедѣльный. Московскій наказъ прямо устанавливаетъ 2 недѣли (§ 17),

¹⁾ Этимъ и вызывается необходимость разсмотрѣнія порядка истребованія объясненій въ системѣ возбужденія дисциплинарнаго производства.

Саратовскій Совѣтъ говоритъ о срокѣ «не далѣе двухнедѣльнаго», по усмотрѣнію предсѣдателя; аналогично правила Казанскаго Совѣта предусматриваютъ назначеніе предсѣдателемъ срока отъ 3 дней до двухъ недѣль. Послѣдствія непредставленія требуемыхъ Совѣтомъ объясненій непосредственно предусматрѣны ст. 372: «въ случаѣ непредставленія объясненія въ назначенный срокъ, безъ уважительныхъ причинъ, Совѣтъ дѣлаетъ постановленіе на основаніи имѣющихся у него свѣдѣній и извѣстныхъ ему обстоятельствъ». Тѣмъ самымъ, казалось бы, вопросъ объ иной санкціи за непредставленіе объясненій исключается. Истребованіе объясненій въ этой конструкціи—лишь гарантія для обвиняемаго, и поэтому представленіе объясненій—его право, а не обязанность. Потому истолковывать умолчаніе обвиняемаго не въ его пользу или тѣмъ болѣе привлекать его къ отвѣтственности за непредставленіе объясненій значило бы вступить въ прямое противорѣчіе со ст. 371. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда Совѣтъ усмотритъ полную необходимость въ объясненіяхъ обвиняемаго, не будучи въ состояніи рѣшить дѣло «на основаніи имѣющихся свѣдѣній» и потребуетъ въ особый срокъ этихъ объясненій,—уклоненіе обвиняемаго отъ этихъ объясненій можетъ вызвать спеціальную санкцію. Согласно правиламъ Казанскаго Совѣта «уклоненіе обвиняемаго отъ объясненія по спеціальному требованію Совѣта даетъ Совѣту право истолковать молчаніе противъ обвиняемаго и привлечь послѣдняго къ отвѣтственности за невыполненіе сего требованія». Но и въ этомъ случаѣ первая часть санкціи § 12 вызываетъ серьезныя сомнѣнія, ибо здѣсь нѣтъ основаній отступать отъ основного принципа, что молчаніе не должно быть истолковано во вредъ подсудимому.

§ 2. Подсудность дисциплинарныхъ дѣлъ.

За свои неправильныя дѣйствія каждый присяжный повѣренный подлежитъ дисциплинарной отвѣтственности передъ Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ (или Окружнымъ Судомъ, его замѣняющимъ въ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ Совѣта)—въ качествѣ первой инстанціи и Судебной Палатой—какъ второй инстанціи.

Нѣтъ такихъ дѣйствій, которыя бы по своему содержанію или иному признаку изымались изъ компетенціи Совѣта и передавались на дисциплинарное разсмотрѣніе иного судебного мѣста. Нѣтъ поэтому вопроса о подсудности дисциплинарныхъ дѣлъ разнымъ—по степени, составу или компетентности—инстанціямъ. Всѣ вопросы въ сферѣ подсудности дисциплинарныхъ дѣлъ поэтому логически могутъ быть сведены къ 3 группамъ: 1) всѣ ли присяжные повѣренные и ихъ помощники подлежатъ дисциплинарному суду Совѣтовъ, соотношеніе между моментомъ совершенія проступка и принадлежностью къ сословію (подсудность личная), 2) всѣ ли неправильныя дѣйствія могутъ быть предметомъ дисциплинарнаго разбирательства (подсудность предметная), 3) какому Совѣту подсудны присяжные повѣренные—по мѣсту приписки или мѣсту совершенія проступка (территориальная подсудность).

1.

Подсудность личная.

1. Подсудность помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Дисциплинарная власть, призванная оберегать нравственную высоту сословія, одинаково должна распространяться на все сословіе, слѣдовательно, какъ на присяжныхъ повѣренныхъ, такъ и на ихъ помощниковъ. Но юридическое положеніе послѣднихъ не находитъ въ законѣ точной регламентаціи. Этотъ пробѣлъ приводитъ къ нежелательнымъ затрудненіямъ въ различныхъ отношеніяхъ (напр. въ отношеніи права хожденія по чужимъ дѣламъ, права имѣть свой исполнительный органъ и т. д.). Онъ въ частности вноситъ осложненіе и вопросъ о дисциплинарной отвѣтственности помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Изъ текста ст. 367, опредѣляющей права и обязанности Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, можно скорѣе вывести заключеніе о неподсудности помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ дисциплинарному суду Совѣтовъ: перечисляя функціи Совѣтовъ, ст. 367 говоритъ то о «присяжныхъ повѣренныхъ», то о «повѣренныхъ»; пунктъ же 2-й, устанавливающій дисциплинарную власть Совѣтовъ, имѣетъ въ виду

«разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ ими законовъ». Эта коллизія идеи дисциплинарнаго словнаго суда съ буквой закона, говорящаго о судѣ надъ присяжными и повѣренными, вызывала въ первое время на практикѣ значительныя затрудненія.

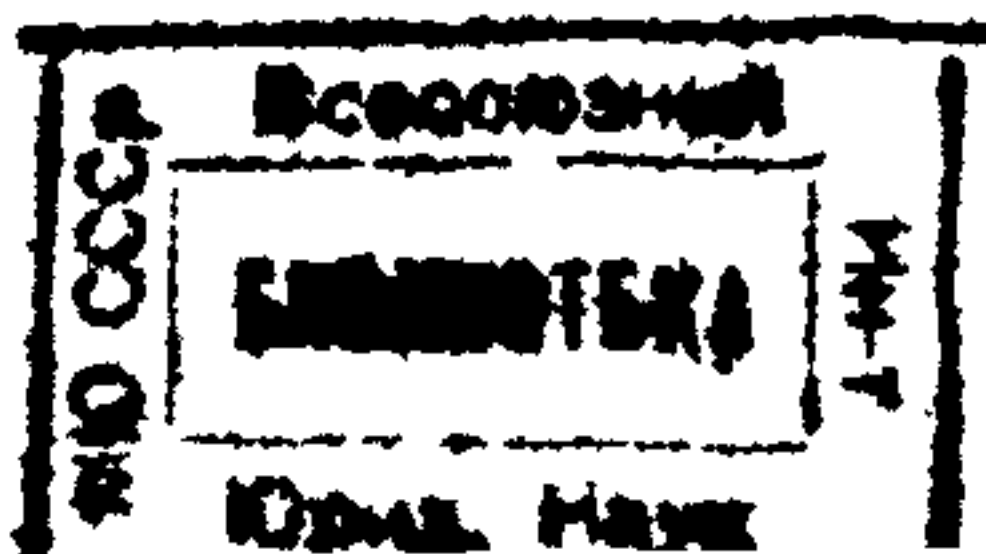
Впервые съ вопросомъ о дисциплинарной ответственности помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ столкнулся Петроградскій Совѣтъ въ 1870 году. Исторія этого перваго дѣла представляетъ непосредственный интересъ для оцѣнки затронутаго вопроса.

Дѣло возникло по сообщенію предсѣдателя Петроградскаго окружнаго суда о неправильныхъ дѣйствіяхъ помощника присяжнаго повѣреннаго, допущеннаго при защитѣ подсудимаго въ окружномъ судѣ. По поводу этого сообщенія сначала возникли сомнѣнія въ самомъ Совѣтѣ¹⁾: Совѣтъ предполагалъ потребовать предусмотрѣнныхъ ст. 370 объясненій отъ обвиняемаго не непосредственно отъ п. п. п. защитника, а отъ его патрона, и въ соотвѣтствіи съ этимъ предоставить послѣднему опредѣлить мѣру взысканія съ правомъ Совѣта повисить взысканіе, если онъ найдетъ мѣру, опредѣленную патрономъ, недостаточной. Такой порядокъ вызвалъ, однако, существенныя возраженія: прежде всего казалось неправильнымъ положеніе Совѣта, оцѣнивающаго проступокъ обвиняемаго безъ непосредственнаго выслушиванія его объясненій и объясненій обвинителей или свидѣтелей. Во-вторыхъ, и съ формальной стороны представлялся несоотвѣтствующимъ требованію ст. 367 необычный порядокъ переложенія дисциплинарныхъ функцій съ Совѣта на патрона, — порядокъ, превращающій Совѣтъ изъ первой инстанціи по дисциплинарнымъ дѣламъ во вторую, и поэтому, когда позднѣе въ связи съ удовлетвореніемъ ходатайства Совѣта о назначеніи защитниками помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ возникло дѣло о помощникѣ присяжномъ повѣренномъ, отказавшемся отъ такой защиты по назначенію и заявившемъ, что оно могло послѣдовать лишь по недоразумѣнію, такъ какъ защита подсудимыхъ по назначенію не входитъ въ кругъ обязанностей помощ-

¹⁾ Макалинскій, стр. 80.

никовъ присяжныхъ повѣренныхъ, то Совѣтъ счелъ необходимымъ непосредственно разслѣдовать дѣло. Но тутъ его инициатива столкнулась съ новымъ затрудненіемъ: если ранѣе и въ самомъ Совѣтѣ возникали сомнѣнія по вопросу о распространѣніи его дисциплинарной власти на помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, то теперь эти сомнѣнія приняли реальную форму на другой сторонѣ: помощникъ присяжнаго повѣреннаго, дѣло котораго подлежало разбору Совѣта, заявилъ отказъ явиться на засѣданіе Совѣта, сославшись на то, что, не подчиненный Совѣту, онъ не считаетъ себя обязаннымъ исполнять его постановленія. Этотъ отказъ послужилъ началомъ сложнаго конфликта между руководящимъ органомъ сословія и его младшимъ членомъ,—конфликта, явившагося результатомъ отсутствія въ законѣ подлежащихъ опредѣленій.

Совѣтъ, считая возможнымъ контроль надъ сословіемъ при условіи подчиненія этому контролю и съ нимъ связаннымъ предписаніемъ въ сѣбѣ членовъ сословія, пришелъ къ выводу о необходимости исключить упомянутаго помощника, своимъ неподчиненіемъ поставившаго себя внѣ сословной корпораціи. Жалоба, поданная исключеннымъ помощникомъ на это постановленіе, вызвала рѣшеніе Судебной Палаты, въ которомъ въ полной мѣрѣ отразилось то затруднительное положеніе, въ которомъ очутилась и Палата вслѣдствіе умолчанія закона и практической неустраимости контроля Совѣта. Палата нашла: 1) «хотя въ ст. 354 Учр. Суд. Устан. и упоминается о лицахъ, которыя, занимаясь подъ руководствомъ присяжныхъ повѣренныхъ, состоятъ ихъ помощниками и тѣмъ пріобрѣтаютъ право на вступленіе, по истеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ, въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, тѣмъ не менѣе, однако, въ означенномъ учрежденіи судебныхъ установленій нигдѣ не проведена мысль—ни о томъ, чтобы помощники присяжныхъ повѣренныхъ составляли особую корпорацію, тѣсно связанную и вполне солидарную съ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, ни о томъ, чтобы помощники входили, какъ часть цѣлаго, въ самый составъ общества повѣренныхъ, изъ чего и слѣдуетъ заключить, по мнѣнію Палаты, что предположеніе Совѣта о безусловномъ правѣ его имѣть прямой и непосредственный за помощниками повѣренныхъ надзоръ и объ обязанности помощниковъ подчи-

няться, наравнѣ съ присяжными повѣренными, контролирующей и дисциплинарной власти Совѣта, не имѣетъ твердой точки опоры въ дѣйствующемъ законѣ, и 2) сколь ни благотѣльными могутъ казаться и на самомъ дѣлѣ представляются сами по себѣ нѣкоторыя изъ распоряженій и мѣръ Совѣта, имѣющихъ цѣлью установить надзоръ за помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, все же Совѣту необходимо имѣть постоянно въ виду, что на прямой и непосредственный за помощниками надзоръ законъ не даетъ ему точно выраженныхъ уполномочій, которыя представлены Совѣту въ отношеніи къ присяжнымъ повѣреннымъ и которыя не могутъ не быть, по крайней своей важности и капитальному значенію, иначе выражены въ законѣ, какъ положительно и категорически. Посему, хотя Палата и соглашается вполнѣ съ мыслями Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ о томъ, что надзоръ его за помощниками безспорно благотѣтеленъ и необходимъ, тѣмъ не менѣе Палата полагаетъ, что надзоръ этотъ можетъ и долженъ осуществляться чрезъ посредство и вліяніе самихъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ помощники состоятъ и подъ руководствомъ которыхъ они занимаются; общія же мѣры Совѣта, касающіяся правъ и обязанностей извѣстныхъ лицъ по званію помощниковъ повѣренныхъ, могутъ быть для нихъ обязательны лишь настолько, насколько они чрезъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ состоятъ, изъявляютъ желаніе добровольно подчиняться такимъ мѣрамъ».

Подчиняясь рѣшенію Палаты, Совѣтъ просилъ патрона обвиняемаго наблюдать, чтобы послѣдній не уклонялся отъ исполненія распоряженій Совѣта. Когда и это рѣшеніе не привело къ желательнымъ результатамъ, и помощникъ присяжнаго повѣреннаго отказался подчиняться контролю Совѣта даже черезъ своего патрона, Совѣтъ, имѣя въ виду: 1) что, если признать за помощникомъ право не подчиняться контролю Совѣта, то придется терпѣть въ средѣ помощниковъ людей недобросовѣстныхъ, вводить въ заблужденіе тяжущихся, которые къ нимъ обращаются только потому, что они носятъ это званіе, и нарушать такимъ образомъ довѣріе общества ко всему сословію присяжныхъ повѣренныхъ; 2) что помощникъ вновь отказался подчиняться контролю Совѣта, и 3) что Судебная Палата, соглашаясь вполнѣ съ мыслями Совѣта о необходимости надзора

его за помощниками, признала лишь, что надзоръ этотъ можетъ и долженъ осуществляться черезъ посредство и вліяніе самихъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ помощники состоятъ и подъ руководствомъ которыхъ они занимаются, — Совѣтъ постановилъ предложить присяжному повѣренному, при которомъ Н. состоитъ помощникомъ, не считать его болѣе своимъ помощникомъ (журн. 15 сентября 1871 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, стремясь въ будущемъ избѣгнуть подобныхъ затяжныхъ и ненормальныхъ треній, Совѣтъ выработалъ правила, которыя согласовали бы возможность контроля съ тѣми положеніями, которыя были установлены Судебной Палатой въ опредѣленіи марта 1871 г. Эти правила сводились къ слѣдующему: 1) помощники, при принятіи ими этого званія, должны дать подписку въ томъ, что они будутъ подчиняться всѣмъ постановленіямъ и распоряженіямъ Совѣта; 2) въ случаѣ принесенія Совѣту жалобы на помощника или полученія Совѣтомъ свѣдѣній о неправильныхъ дѣйствіяхъ или упущеніяхъ помощника, Совѣтъ вызываетъ помощника въ свое засѣданіе, выслушиваетъ его объясненія, собираетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія и постановляетъ рѣшеніе, приводимое въ исполненіе черезъ посредство присяжнаго повѣреннаго, при которомъ помощникъ состоитъ. Если помощникъ оказывается виновнымъ въ такомъ дѣйствіи или упущеніи, которое требуетъ больше наставленія, чѣмъ наказанія, то Совѣтъ поручалъ присяжному повѣренному, при которомъ онъ состоитъ, объявить ему замѣчаніе или выговоръ; въ случаяхъ болѣе важныхъ Совѣтъ предлагалъ присяжному повѣренному удалить виновнаго, совершенно или на опредѣленный срокъ, изъ числа своихъ помощниковъ.

Если такимъ образомъ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ сдѣлалъ шагъ въ сторону согласованія дисциплинарной практики съ принципіальнымъ опредѣленіемъ Палаты отъ 6-го марта, то не могла не сдѣлать изъ него логическаго вывода сама Палата въ отношеніи роли ея, какъ апелляціонной инстанціи по дисциплинарнымъ дѣламъ. Дѣйствительно, если Совѣтамъ не принадлежитъ въ томъ же объемѣ дисциплинарная власть надъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, какъ надъ присяжными повѣренными, если такимъ образомъ всѣ опредѣленія Учр. Суд. Уст. по данному вопросу относились лишь къ присяж-

нымъ повѣреннымъ, то послѣдовательно лишь къ нимъ должно быть отнесено и предусмотрѣнное ст. 376 право обжалованія опредѣленій Совѣтовъ по дисциплинарнымъ дѣламъ. Судебная Палата поэтому стала оставлять безъ разсмотрѣнія жалобы помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ на состоявшіяся въ отношеніи ихъ постановленія Совѣта¹⁾. Съ этого момента положеніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи дисциплинарной отвѣтственности оказалось не только не смягченнымъ по сравненію съ присяжными повѣренными, а напротивъ ухудшившимся, ибо, подвергаясь взысканіямъ Совѣта, они оказались лишенными права обжалованія. Это положеніе оказалось въ явномъ противорѣчій съ идеей дисциплинарной отвѣтственности и духомъ закона, и Сенатъ по кассационной жалобѣ одного изъ помощниковъ не согласился съ мнѣніемъ Палаты, отказавшей въ разсмотрѣніи его жалобы, и впервые сталъ на новый путь, порвавъ буквальное слѣдованіе ст. 376 и предписывая слѣдовать ея мысли. Сенатъ разъяснилъ, что 376 ст. Учр. Суд. Устан. не имѣетъ выведеннаго смысла; что истинный разумъ этого закона заключается не въ томъ, что однимъ только присяжнымъ повѣреннымъ предоставлено право жалобы на постановленія Совѣта, а въ томъ, что на всѣ постановленія Совѣта, за исключеніемъ подвергающихъ предостереженію или выговору, допускаются жалобы; что изъ того, что въ статьѣ этой упоминается только о присяжныхъ повѣренныхъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда Совѣтъ распространяетъ надзоръ свой и на помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, сіи послѣдніе лишены были права жалобы; и что допустить противное сему толкованію значило бы, съ одной стороны, предоставить Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ болѣе власти, чѣмъ онъ имѣетъ по закону, а съ другой—поставить помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ такое положеніе, которое не можетъ быть оправдано и общимъ закономъ (ст. 856 и 905 Уст. Угол. Суд.), предоставляющимъ каждому подсудимому право обжаловать постановленный о немъ приговоръ (рѣш. Общ. Собр. Касс. Д-въ 1880 г. № 6 по дѣлу Евреинова).

Изъ этого рѣшенія, казалось бы, можно было сдѣлать лишь

¹⁾ Опредѣленія 26 мая 1856 г. и 13 дек. 1880 г.

одинъ выводъ: если, по мнѣнію Сената, изъ того, что въ ст. 376 упоминается только о присяжныхъ повѣренныхъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы она относилась только къ присяжнымъ повѣреннымъ, то не исключительно къ присяжнымъ повѣреннымъ должны относиться и опредѣленія ст. 367, гдѣ законъ въ пп. 2 и 3 говоритъ также о «присяжныхъ повѣренныхъ». Ибо если въ первомъ случаѣ толкованіе закона по смыслу, а не по буквѣ диктуется необходимостью предоставленія каждому подсудимому права обжалованія, то во второмъ—оно вытекаетъ изъ логической и практической невозможности освободить отъ контроля сословія его сословную часть. Необходимо было, слѣдовательно, если Сенатомъ уже былъ сдѣланъ шагъ, насколько рѣчь идетъ о дисциплинарной отвѣтственности, въ сторону пониманія подъ «присяжными повѣренными» и ихъ помощниковъ, придать ему общее значеніе и признать, что дисциплинарная власть Совѣта распространяется на присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, хотя въ текстѣ закона о послѣднихъ нѣтъ прямого указанія.

Къ сожалѣнію, Палата сдѣлала изъ разъясненія Сената другой выводъ: она вернулась къ своему первоначальному взгляду, полагая, что дисциплинарная власть Совѣта распространяется лишь на присяжныхъ повѣренныхъ и поэтому по жалобамъ патроновъ начала отмѣнять постановленія Совѣта объ исключеніи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ изъ сословія.

Какъ ни былъ категориченъ послѣдній взглядъ Палаты, Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ не могъ примириться съ вытекающимъ изъ него дисциплинарнымъ иммунитетомъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Совѣтъ поэтому былъ вынужденъ обратиться къ суррогатамъ дисциплинарнаго воздѣйствія, пользуясь для этой цѣли своей властью надъ патрономъ провинившагося помощника присяжнаго повѣреннаго и моментомъ перехода послѣдняго въ присяжные повѣренные. Совѣтъ нашелъ, что независимо отъ дисциплинарной власти, Совѣтъ имѣетъ обязанность наблюдать за поведеніемъ и занятіями помощниковъ, для опредѣленія того, могутъ ли они, по истеченіи опредѣленнаго срока, быть приняты въ присяжные повѣренные. Въ этихъ видахъ установлены списки помощниковъ присяжныхъ повѣ-

ренныхъ, обязательность представленія ими и провѣрка Совѣтомъ отчетовъ о ихъ дѣятельности по полугодіямъ. Такъ какъ контроль этотъ установленъ только для опредѣленія, можетъ ли данное лицо быть принято, по истеченіи опредѣленнаго времени, въ присяжные повѣренные, то онъ представляется излишнимъ по отношенію къ лицу, уже признанному Совѣтомъ недостойнымъ званія помощника присяжнаго повѣреннаго, а потому и не могущему быть принятымъ въ присяжные повѣренные.

Положеніе, при которомъ младшіе члены сословія изъемяются изъ сословнаго контроля, не могло разсчитывать на прочность. И дѣйствительно, позднѣйшая практика рѣшительно склоняется къ подчиненію пом. прис. пов. дисциплинарному суду Совѣта. Въ рѣшеніи 1902 г. общее собраніе нашло, что «Петроградская Судебная Палата придала рѣшенію Общаго Собранія Кассац. Д-въ Прав. Сената 1885 года № 13 совершенно неправильное и несогласное съ его содержаніемъ значеніе» ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ нашелъ, что «такъ какъ на точномъ основаніи ст. 250 Учр. Суд. Уст. осуществленіе надзора заключается между прочимъ и въ правѣ возбужденія противъ виновныхъ преслѣдованія въ дисциплинарномъ порядкѣ, то отсюда Совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ, на коихъ лежитъ надзоръ за дѣятельностью помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, несомнѣнно принадлежитъ и право дисциплинарнаго суда надъ ними, въ предѣлахъ предоставленной Совѣтомъ власти (ст. 368 Учр. Суд. Уст.)». Это положеніе съ той же категоричностью установило Соединенное Присутствіе позднѣе въ 1905 году.

«По закону (ст. 354 и 2 п. 367 ст. Учр. Суд. Уст.) и согласно разъясненію, послѣдовавшему въ рѣшеніяхъ Д. С. 4 апрѣля 1894 г. № 14, 1880 г. № 6, 1885 г. № 13 и С. П. 4 мая 1895 г., помощники присяжныхъ повѣренныхъ состоятъ подъ вѣдѣніемъ и ближайшимъ надзоромъ Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, а потому дѣйствія ихъ по веденію ими судебныхъ дѣлъ, наравнѣ съ самими присяжными повѣренными, должны безусловно подлежать оцѣнкѣ Совѣтовъ для принятія въ случаѣ надобности мѣръ къ привлеченію ихъ къ отвѣтственности» ²⁾.

¹⁾ Это рѣшеніе полностью напечатано въ отчетѣ Петроградскаго Совѣта за 1902—1903 г., стр. 71—83.

²⁾ Опредѣленіе 3 марта 1905 г. № 113 (Сборникъ Щетинина).

Такимъ образомъ, казалось бы, длинный путь колебаній и противорѣчій наконецъ пройденъ, и подсудность пом. прис. повѣренныхъ дисциплинарному суду Совѣта установлена безусловно. Къ сожалѣнію, позднѣйшая практика обнаружила, что разрѣшена лишь часть вопроса, возникли новыя сомнѣнія, на этотъ разъ въ связи съ подсудностью помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, дѣйствовавшихъ на правахъ частныхъ повѣренныхъ.

2. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ — частныя повѣренныя. Неясный въ законѣ и сбивчивый на практикѣ вопросъ о дисциплинарной отвѣтственности помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ еще болѣе осложняется въ тѣхъ случаяхъ, когда предметомъ дисциплинарнаго производства служить проступокъ, совершенный помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, выбравшимъ свидѣтельство на веденіе дѣлъ, дѣйствовавшимъ слѣдовательно въ качествѣ частнаго повѣреннаго. Въ этихъ случаяхъ возникаетъ сомнѣніе о подсудности дѣла Совѣту или тому судебному мѣсту, при которомъ частный повѣренный состоитъ (ст. 406¹³—406¹⁴ Учр. Суд. Уст.). Въ сенатской практикѣ по этому вопросу можно отмѣтить значительныя колебанія.

Въ указѣ 8 декабря 1908 г. Сенатъ пытался провести грань между Совѣтомъ и Окружнымъ Судомъ, какъ органами, стоящими надъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, выбирающимъ свидѣтельства: за первымъ Сенатомъ было признано право надзора, за вторымъ право дисциплинарнаго суда. «Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и учрежденія, ихъ замѣняющія, не освобождаются, какъ признано опредѣленіемъ сего присутствія отъ 27 мая 1907 г. № 451, отъ обязанности имѣть надзоръ и за тѣми помощниками, которые имѣютъ свидѣтельства на веденіе чужихъ дѣлъ, но дисциплинарная отвѣтственность этихъ помощниковъ можетъ опредѣляться лишь въ одномъ порядкѣ, а именно уст. ст. 406¹³ и 406¹⁴ Учр. Суд. Уст.». «Право» въ свое время ¹⁾ съ полнымъ основаніемъ отмѣтило, что такое раздѣленіе функцій фактически неосуществимо, ибо надзоръ безъ

¹⁾ «Право», 1911 г., № 10—Б. Ландау. «Дисциплинарная отвѣтственность помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ».

дисциплинарной власти обреченъ на безсиліе. Позднѣе, поэтому, и Совѣтамъ и Сенату пришлось дѣлать новыя попытки найти выходъ изъ коллизіи подсудности помощника присяжнаго повѣреннаго, выбирающаго свидѣтельства, Совѣту и Окружному Суду. Въ Харьковскомъ Совѣтѣ вопросъ этотъ возникъ по слѣдующему поводу. «Вслѣдствіе сообщенія Старшаго Предсѣдателя Харьковской Судебной Палаты относительно присяжнаго повѣреннаго К. Совѣтомъ возбуждено было дисциплинарное производство за помѣщеніе этимъ повѣреннымъ рѣзкихъ и неумѣстныхъ выраженій въ апелляціонной жалобѣ, поданной имъ, въ бытность помощникомъ присяжнаго повѣреннаго и частнымъ повѣреннымъ по судебнымъ дѣламъ, на рѣшеніе Окружнаго Суда по гражданскому дѣлу. Въ отмѣну дисциплинарнаго приговора Совѣта по этому дѣлу Судебная Палата запретила повѣренному практику, и по жалобѣ повѣреннаго дѣло дошло до Правительствующаго Сената по Соединенному Присутствію Перваго и Кассационныхъ Департаментовъ. При разсмотрѣніи этого дѣла, Правительствующій Сенатъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что предметомъ дисциплинарнаго производства послужилъ въ данномъ случаѣ проступокъ, совершенный К. въ качествѣ частнаго повѣреннаго, почему дисциплинарная отвѣтственность его опредѣлялась ст. 406¹³ и 406¹⁴ Учр. Суд. Уст., отличающимися отъ правилъ ст. 367 того же Учрежденія, между прочимъ, по самой подсудности дисциплинарныхъ дѣлъ о частныхъ повѣренныхъ судебному мѣсту, при коемъ они состоятъ, а не Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ. Сенатъ не считаетъ возможнымъ допустить, чтобы дисциплинарная отвѣтственность помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, получившихъ свидѣтельство на веденіе чужихъ дѣлъ, опредѣлялась не только по ст. 406¹³ и 406¹⁴, но и по ст. 367 и слѣд. Учр. Суд. Уст., такъ какъ, въ противномъ случаѣ, могла бы произойти коллизія между рѣшеніями дисциплинарныхъ судовъ; Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, какъ признано опредѣленіемъ Соединеннаго Присутствія 24 мая 1907 г. по дѣлу 451, не освобождаются отъ обязанности имѣть надзоръ за тѣми помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, которые имѣютъ свидѣтельства на веденіе чужихъ дѣлъ; но дисциплинарная отвѣтственность этихъ помощниковъ можетъ опредѣляться лишь въ одномъ порядкѣ, а именно, въ порядкѣ, уста-

новленномъ ст. 406¹³ и 406¹⁴ У. С. У. Высказавъ это положеніе, Правительствующій Сенатъ пояснилъ, что, хотя упомянутымъ выше рѣшеніемъ Соединеннаго Присутствія отъ 24 мая 1907 г., не была уважена Сенатомъ жалоба помощника присяжнаго повѣреннаго, ссылавшагося на примѣнимость къ дисциплинарному о немъ дѣлу 406¹³⁻¹⁴ ст., а не 378 Учр., но дѣло, разсмотрѣнное означеннымъ опредѣленіемъ Сената, представляло ту особенность, что, во-первыхъ, по тому дѣлу привлечено было одновременно за одинъ и тотъ же проступокъ много присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, при чемъ изъ числа помощниковъ только одинъ имѣлъ свидѣтельство отъ Кіевскаго Окружнаго Суда, а, во-вторыхъ, въ 1907 г. Кіевскій Окружный Судъ замѣнялъ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ и ему же принадлежала дисциплинарная власть по ст. 406¹³... Въ заключеніе Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ рѣшеніе Судебной Палаты отмѣнить.

Хотя приведенное рѣшеніе Соединеннаго Присутствія и было вызвано частнымъ случаемъ, но такъ какъ оно содержало разрѣшеніе общаго вопроса о компетенціи Совѣта въ отношеніи значительной группы помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, то Харьковскій Совѣтъ счелъ необходимымъ согласовать свою дѣятельность съ приведеннымъ рѣшеніемъ. Такое согласованіе, говорится въ журналѣ Совѣта, представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что приведенное рѣшеніе Сената должно имѣть своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ возникновеніе въ окружныхъ судахъ и мировыхъ сѣздахъ значительнаго числа такихъ дисциплинарныхъ дѣлъ о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, которыя вовсе не поступили бы въ судебныя мѣста, судя по прежней многолѣтней повсемѣстной практикѣ, свидѣтельствующей о томъ, что сами судебныя учрежденія направляли подобныя дѣла на распоряженіе Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и тѣмъ фактически избѣгали возможности коллизіи между постановленіями разныхъ дисциплинарныхъ судовъ.

Что же касается надзора Совѣта за помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, то надзору этому подлежатъ всѣ безъ исключенія помощники, безъ различія, получаютъ ли они свидѣтельства или не получаютъ. Въ понятіе принадлежащаго Совѣту надзора надъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ входитъ,

между прочимъ, обязанность и право выясненія и разслѣдованія обстоятельствъ ихъ профессиональной дѣятельности, въ виду, съ одной стороны, своевременнаго, въ случаѣ надобности, охраненія интересовъ ихъ довѣрителей (ст. 367 п. 2 Учр. Суд. Уст.), а съ другой стороны, разрѣшенія въ будущемъ вопроса о принятіи ихъ въ присяжные повѣренные (ст. 380 Учр. Суд. Уст.). Пока въ Совѣтѣ сосредоточивалось производство дисциплинарныхъ дѣлъ обо всѣхъ помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, объ указанныхъ цѣли надзора достигались безъ затрудненія. А такъ какъ большая или меньшая часть дисциплинарныхъ дѣлъ о помощникахъ должна отнынѣ миновать Совѣтъ, поступая непосредственно въ судебныя мѣста, при которыхъ помощники состоятъ частными повѣренными, то для огражденія своихъ правъ и обязанностей по надзору отъ возможнаго ущерба, для Совѣта представляется существенно необходимымъ принятіе мѣръ къ полученію свѣдѣній обо всѣхъ дисциплинарныхъ дѣлахъ о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, какія только возникаютъ въ судебныхъ мѣстахъ округа Харьк. Суд. Палаты. Наиболее цѣлесообразною къ тому мѣрою представляется, по мнѣнію Совѣта, обращеніе къ содѣйствію старшаго предсѣдателя Палаты и также къ содѣйствію присяжныхъ повѣренныхъ, имѣющихъ при себѣ помощниковъ.

Сложная работа Харьковскаго Совѣта по согласованію его практики съ рѣшеніемъ Соединеннаго Присутствія отъ 8 декабря 1910 года по дѣлу К., въ которомъ данъ былъ общій отвѣтъ на вопросъ о компетенціи Совѣта въ отношеніи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, выбравшихъ свидетельства на веденіе дѣлъ, оказалась, однако, скоро «несогласованной» съ другимъ, болѣе позднимъ, рѣшеніемъ Соединеннаго Присутствія—рѣшеніемъ отъ 28 іюня 1912 года, въ которомъ Сенатъ сталъ на другую точку зрѣнія.

Дѣло возникло по жалобѣ Аничкова на опредѣленіе Саратовской Судебной Палаты отъ 25 ноября 1911 года. Въ этой жалобѣ Аничковъ указалъ, что на постановленіе Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа Саратовской Судебной Палаты отъ 21 декабря 1910 года, коимъ онъ исключенъ изъ числа по-

¹⁾ Изъ копій Указа Прав. Сената Саратовской Судебной Палаты.

мощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, имъ была принесена Саратовской Судебной Палатѣ жалоба, гдѣ, между прочимъ, указывалось на то, что Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ не былъ въ правѣ возбудить противъ него, какъ лица, имѣющаго свидѣтельство отъ Саратовскаго Окружнаго Суда на веденіе чужихъ судебныхъ дѣлъ, дисциплинарнаго производства, ибо дѣйствія его подлежали обсужденію того судебного мѣста, которое выдало ему свидѣтельство на право веденія чужихъ судебныхъ дѣлъ и отъ котораго зависѣло возбужденіе противъ него дисциплинарнаго производства. Въ подтвержденіе своей точки зрѣнія жалобщикъ привелъ слѣдующія соображенія: «Право судебной практики для присяжныхъ повѣренныхъ, помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и частныхъ повѣренныхъ исходитъ изъ разныхъ источниковъ: въ то время, какъ для присяжныхъ повѣренныхъ это право исходитъ отъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, для помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и частныхъ повѣренныхъ это право исходитъ отъ судебныхъ установленій, иными словами: помощники присяжныхъ повѣренныхъ и частные повѣренные въ этомъ отношеніи сравнены. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ званіе присяжнаго повѣреннаго даетъ право повсемѣстнаго веденія судебныхъ дѣлъ, званіе помощника присяжнаго повѣреннаго такого права не даетъ, его необходимо исхлопотать отъ надлежащаго судебного установленія, которое по тѣмъ или инымъ соображеніямъ можетъ въ признаніи этого права отказать.

Отсюда, по мнѣнію Аничкова, слѣдуетъ, что и лишеніе права практики (временное или пожизненное) должно исходить изъ того же самаго источника, изъ котораго это право возникло. Стало быть и сужденіе о тѣхъ или иныхъ дѣйствіяхъ лицъ, обладающихъ правомъ судебной практики, т.-е. дисциплинарная отвѣтственность этихъ лицъ должна опредѣляться на тѣхъ же началахъ. А такъ какъ помощники присяжныхъ повѣренныхъ въ отношеніи судебной практики сравнены по закону съ частными повѣренными, то, несомнѣнно, и дисциплинарная ихъ отвѣтственность должна быть сравнена съ таковою же отвѣтственностью частныхъ повѣренныхъ. Такимъ образомъ, подсудность помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ дисциплинарномъ отношеніи должна опредѣляться не по 367 ст., а по ст. 406¹³

и 406¹⁴ Учр. Суд. Уст.; т.-е. помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ дисциплинарномъ отношеніи является подсуднымъ тому судебному мѣсту, при ксемъ онъ состоитъ, какъ получившій свидѣтельство на веденіе судебныхъ дѣлъ, но никакъ не Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ. Несмотря на то, что жалобщикъ, такимъ образомъ, привелъ новые доводы въ пользу того взгляда, который легъ въ основанія рѣшенія 1910 г., Соединенное Присутствіе, однако, пришло къ другому выводу и нашло указаніе Аничкова о неподсудности его дѣла Совѣту незаслуживающимъ уваженія. Въ мотивировкѣ этого рѣшенія Сенатъ далъ тщательную и почти исчерпывающую аргументацію въ пользу своего новаго взгляда. Сенатъ нашелъ: «то обстоятельство, что помощникъ присяжнаго повѣреннаго выбираетъ въ извѣстномъ судебномъ установленіи свидѣтельство на право веденія чужихъ дѣлъ и что на него тогда, за силою ст. 406¹⁷ Учр. Суд. Уст., распространяются всѣ законоположенія, относящіяся къ частнымъ повѣреннымъ, представляется обстоятельствомъ случайнымъ, такъ какъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго, состоя таковымъ, можетъ и не брать означеннаго свидѣтельства, не выступать по чужимъ дѣламъ въ судебныхъ установленіяхъ и лишь заниматься у своего патрона, исполняя всѣ его дѣловыя порученія, за исключеніемъ веденія судебныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, такое случайное обстоятельство въ дѣятельности помощника присяжнаго повѣреннаго, какъ взятіе въ какомъ-либо судебномъ установленіи свидѣтельства на право веденія чужихъ дѣлъ, не можетъ имѣть никакого вліянія на подсудность дисциплинарнаго дѣла о помощникѣ присяжнаго повѣреннаго.

Засимъ, поступокъ помощника присяжнаго повѣреннаго, не взявшаго установленнаго свидѣтельства на право веденія чужихъ дѣлъ, можетъ быть предосудителенъ въ отношеніи патрона его. Въ этомъ случаѣ такой поступокъ помощника присяжнаго повѣреннаго остался бы безнаказаннымъ, если бы Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ полагаетъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго Аничковъ, не имѣлъ права разсматривать дисциплинарныя дѣла о пом. прис. пов. Несомнѣнно, какъ это установлено практикою Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и опредѣленіемъ Соединеннаго Присутствія Правительствую-

щаго Сената отъ 13 октября 1905 года по дѣлу № 226 (см. журн. М. Ю., 1906 г., № 3), а также рѣшеніемъ Сената, по Общему Собранію, за 1885 годъ, № 13, лицо, съ университетскимъ образованіемъ получаетъ званіе помощника присяжнаго повѣреннаго послѣ внесенія его Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ въ списки помощниковъ. Далѣе, пом. прис. пов. послѣ пятилѣтняго занятія (стажа) судебной практикой подъ руководствомъ прис. пов. получаетъ отъ Совѣта присяжн. пов. званіе присяжнаго повѣреннаго (ст. 354 Учр. Суд. Уст.). Засимъ Совѣтъ прис. повѣр. имѣетъ надзоръ, согласно ст. 357 Учр. Суд. Уст., не спеціально надъ прис. пов., но надъ «повѣренными» вообще, какъ сказано въ законѣ. Какъ установлено рѣшеніемъ Сената, по Общему Собранію, 1894 г. за № 14 и опредѣленіемъ Соединеннаго Присутствія отъ 4 мая 1895 г. (см. Сборникъ, стр. 359), Совѣтъ прис. пов. можетъ издавать правила относительно внутренняго распорядка и дѣлопроизводства какъ въ Совѣтѣ, такъ и среди подвѣдомственныхъ ему присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, а также относительно надзора за дѣятельностью послѣднихъ. Такимъ образомъ, коль скоро принятіе въ число помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, наблюденіе за ихъ дѣятельностью и предоставленіе званія присяжнаго повѣреннаго всецѣло зависитъ отъ Совѣта прис. пов., то нѣтъ никакого основанія толковать ст. 368 Учр. Суд. Уст. въ томъ смыслѣ, что мѣры взысканія, указанные въ этой статьѣ, не могутъ быть примѣнены Совѣтомъ къ помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ. Согласно указаннымъ началамъ дѣйствуютъ существующіе Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и поэтому надлежитъ признать, что смыслъ законовъ и практика Совѣтовъ прис. пов. противорѣчатъ вышеуказанному заявленію г.м. прис. пов. Аничкова о неподсудности дисциплинарнаго о немъ дѣла Саратовскому Совѣту прис. пов.

Такимъ образомъ было разрѣшено еще одно изъ сомнѣній по вопросу о дисциплинарной отвѣтственности помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и устранено еще одно препятствіе на пути къ подчиненію ихъ власти Совѣтовъ. Нельзя не отмѣтить, что то спеціальное затрудненіе, которое возникло въ данномъ случаѣ, имѣетъ своимъ источникомъ не только общую неясность постановленій о помощникахъ присяжныхъ повѣрен-

ныхъ, но и ненормальный порядокъ полученій помощниками присяжныхъ повѣренныхъ права веденія чужихъ дѣлъ, ибо трудно назвать нормальнымъ положеніе, когда лицо съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, специально готовящее себя къ профессіи адвоката, должно стать частнымъ повѣреннымъ для того, чтобы получить возможность выступить въ судѣ.

3. Ч л е н ы С о в ѣ т а. Согласно 3 п. ст. 250 судебное мѣсто, обнаружившее неправильное дѣйствіе подвѣдомственнаго ему «лица должностного судебного вѣдомства», въ правѣ возбудить противъ виновнаго дисциплинарное производство. Практикѣ извѣстны случаи, когда Судебная Палата, ссылаясь на эту общую норму и приравнявъ членовъ Совѣта къ должностнымъ лицамъ судебного вѣдомства, привлекала къ дисциплинарной отвѣтственности членовъ Совѣта въ качествѣ суда первой инстанціи. Такъ, Харьковская Судебная Палата по Общему Собранію Д-товъ опредѣленіемъ своимъ отъ 13 марта 1908 г. въ качествѣ суда первой инстанціи объявила въ порядкѣ дисциплинарнаго производства предостереженіе члену Совѣта (за медленность), и разъяснила предсѣдателю Совѣта неправильность допущенныхъ имъ дѣйствій. Палата исходила изъ того, что «Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ представляетъ собою судебное установленіе (указъ Перваго и Кассационныхъ Департаментовъ Сената отъ 24 апрѣля 1897 г.). А такъ какъ въ данномъ случаѣ членъ Совѣта дѣйствовалъ не какъ простой повѣренный, а какъ членъ Совѣта, т.-е. какъ должностное лицо судебного вѣдомства, то дисциплинарное наказаніе должно быть назначено на основаніи ст. 262 Учр. Суд. Уст. Имѣя засимъ въ виду, что членъ Совѣта донынѣ никогда дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался и что медленность, имъ допущенная, не имѣла для дѣла особо вредныхъ послѣдствій, Судебная Палата находитъ возможнымъ ограничиваться наименьшимъ изъ взысканій, указанныхъ въ означенной ст. 262, а именно—объявить члену Совѣта предостереженіе» ¹⁾. То же положеніе Харьковская Палата повторяетъ нѣсколько позже (21 марта) по аналогичному дѣлу: «по данному дѣлу противъ Предсѣдателя Совѣта и членовъ Совѣта возбуждено дисциплинарное преслѣдованіе не за незаконные поступки относительно своихъ кліентовъ, а за мед-

¹⁾ Харьковскій отчетъ 1907—1908 г., стр. 30.

ленность, которую они себѣ позволили по должности членовъ Совѣта, т.-е. въ качествѣ должностныхъ лицъ судебного вѣдомства. Поэтому Судебная Палата должна была руководствоваться ст. 250 и 262 Учр. Суд. Уст.»¹⁾). Эта точка зрѣнія находитъ единственную опору въ положеніи Совѣта—по системѣ Учр. Суд. Уст.—какъ особаго судебного установленія. Но по этой же системѣ порядокъ дисциплинарной отвѣтственности трехъ категорій судебныхъ дѣятелей—магистратуры, прокуратуры и адвокатуры—различенъ: надзоръ за должностными лицами судебного вѣдомства принадлежитъ высшимъ въ порядкѣ подчиненности судебнымъ мѣстамъ (ст. 249); послѣднія «не входятъ въ обсужденіе дѣйствій лицъ прокурорскаго надзора», а лишь сообщаютъ о нихъ высшимъ членамъ прокурорскаго же надзора или доводятъ до свѣдѣнія Министра Юстиціи (ст. 252).

Далѣе, порядокъ дисциплинарной отвѣтственности присяжныхъ повѣренныхъ опредѣляется особо ст. 357. Съ этой различной конструкціей дисциплинарнаго процесса находится въ полномъ соотвѣтствіи и система дисциплинарныхъ взысканій. Ст. 262 Учр. Суд. Уст., примѣняющаяся къ должностнымъ лицамъ судебного вѣдомства, предусматриваетъ слѣдующія наказанія: 1) предостереженіе, 2) замѣчаніе, 3) выговоръ безъ внесенія въ послужной списокъ, 4) вычетъ изъ жалованья, 5) арестъ не болѣе какъ на 7 дней и 6) перемѣщеніе съ высшей должности на низшую. Но у присяжныхъ повѣренныхъ, хотя бы и членовъ Совѣта, нѣтъ послужного списка; равнымъ образомъ, они не получаютъ жалованія, и ихъ нельзя перемѣщать. Въ первомъ опредѣленіи отъ 13 марта Палата пыталась до конца провести уравниеніе въ смыслѣ дисциплинарной отвѣтственности членовъ Совѣта съ должностными лицами судебного вѣдомства. «Такъ какъ», говорить названное опредѣленіе, «въ данномъ случаѣ членъ Совѣта дѣйствовалъ не какъ простой повѣренный, а какъ членъ Совѣта, т.-е. какъ должностное лицо судебного вѣдомства, то дисциплинарное наказаніе должно быть назначено на основаніи ст. 262 Учр. Суд. Уст.». Практическихъ трудностей Палата избѣгла потому, что избрала мѣру взысканія наименьшую и повторяющуюся въ ст. 262 и 368—предостереженіе. Но какъ поступила бы Палата,

¹⁾ Харьковскій отчетъ 1907—1908 г., стр. 34.

если бы оказалось необходимымъ примѣнить одну изъ высшихъ мѣръ взысканій (3, 4 или 5 пунктъ ст. 267), остается совершенно непонятнымъ. Оцѣнивая эту трудность, Палата въ болѣе позднемъ опредѣленіи—отъ 13 марта—пыталась избѣгнуть затрудненій тѣмъ, что стала на противоположную точку зрѣнія—примѣненія къ членамъ Совѣта, хотя и приравненнымъ въ смыслѣ порядка отвѣтственности къ членамъ суда, не 262, а 368 ст. Палата нашла, что надлежитъ руководствоваться ст. 250 и 262 Учр. Суд. Уст. лишь «насколько въ нихъ указанъ порядокъ возбужденія и разрѣшенія дисциплинарнаго производства». Но, очевидно, этотъ выходъ еще болѣе осложнялъ положеніе: вмѣсто единаго порядка дисциплинарной отвѣтственности получилась смѣшанная система, въ области процессуальной проводящая одну тенденцію, въ области матеріальной—другую. Создавалась фикція двуликой юридической природы члена Совѣта, отвѣчающаго за дисциплинарные проступки то какъ членъ Суда, то какъ прис. пов. Неудивительно поэтому, что такая практика не могла быть прочна.

По установившейся въ послѣднее время практикѣ члены Совѣта по преступленіямъ по должности подлежатъ суду Совѣта, но не того, въ коемъ они состоятъ, а другого по опредѣленію Соединеннаго Присутствія, по преступленіямъ общимъ—суду своего Совѣта.

4. П р и н а д л е ж н о с т ь к ъ с о с л о в і ю. Въ предѣлахъ личной подсудности имѣется еще одинъ вопросъ, связанный съ личнымъ положеніемъ обвиняемаго: вопросъ о подсудности дѣлъ, моментъ совершенія коихъ не совпадаетъ съ моментомъ нахожденія обвиняемаго въ сословіи. Здѣсь возможны два случая: вопросъ о подчиненности Совѣту проступковъ, совершенныхъ до вступленія въ сословіе, и, во-вторыхъ, вопросъ о подсудности дѣйствій, начатыхъ разслѣдованіемъ, до ухода лица изъ состава сословія.

Первый вопросъ о томъ, распространяется ли дисциплинарная власть Совѣта на поступки присяжныхъ повѣренныхъ, совершенные до вступленія въ сословіе—неоднократно возникалъ въ практикѣ Петроградскаго Совѣта. Мнѣніе Совѣта вначалѣ не было устойчиво¹⁾: послѣ отрицательнаго отвѣта въ

¹⁾ Макалинскій, стр. 267.

1868 г. Совѣтъ черезъ годъ подвергъ присяжнаго повѣреннаго взысканію за неправильныя дѣйствія, совершенныя имъ до вступленія въ сословіе. Въ 1872 г. Совѣтъ, проводя тотъ же взглядъ, исключилъ изъ сословія присяжнаго повѣреннаго частью за дѣйствія его, совершенныя до вступленія въ свое сословіе. Взглядъ Совѣта нашель опору въ рѣшеніи Сената. По дѣлу 1872 года Сенатъ высказалъ слѣдующее общее положеніе: «непредоставленіе Совѣту права входить въ обсужденіе дѣйствій, совершенныхъ присяжнымъ повѣреннымъ до принятія имъ на себя этого званія, повлекло бы за собой весьма вредныя послѣдствія, ибо въ такомъ случаѣ Совѣтъ, допустивъ какую-либо ошибку при принятіи извѣстнаго лица въ число присяжныхъ повѣренныхъ, и затѣмъ, удостовѣрясь въ этой ошибкѣ черезъ дошедшія до него свѣдѣнія, лишенъ былъ бы всякой возможности исправить ее возбужденіемъ вопроса о необходимости удалить изъ среды присяжныхъ повѣренныхъ лицо, которое, по мнѣнію самихъ представителей этого сословія, недостойно, по своимъ нравственнымъ качествамъ, общественнаго довѣрія» (указъ Сената отъ 16 ноября 1872 г.).

Въ смыслѣ этого рѣшенія Совѣтъ во всей своей послѣдующей практикѣ придерживался средняго рѣшенія, признавъ, «что вообще, по смыслу 2 п. 367 ст. Учр. Суд. Уст., обсужденію его подлежатъ лишь дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ, совершенныя ими въ этомъ званіи, и что исключеніе изъ этого правила составляютъ только дѣйствія явно недобросовѣстныя, которыя могли бы служить препятствіемъ къ принятію ихъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ или влечь за собой исключеніе изъ сословія».

Это рѣшеніе, кажется, наиболее удачно разрѣшаетъ трудности сохраненія въ сословіи ошибочно зачисленнаго члена, но врядъ ли можно видѣть въ немъ положительный въ собственномъ смыслѣ отвѣтъ на вопросъ о подсудности Совѣту проступковъ, совершенныхъ до зачисленія въ сословіе. Дисциплинарная отвѣтственность, предполагающая особую корпоративную связь ей подлежащихъ лицъ, по природѣ своей не можетъ существовать въ моментъ, когда лицо стояло внѣ корпоративнаго круга. А гдѣ не было матеріальной отвѣтственности въ моментъ совершенія проступка, она не можетъ впослѣдствіи родиться по формаль-

ному признаку причисленія лица къ сословію. Далѣе, по существу, въ виду того, что по общему правилу дисциплинарной власти Совѣтовъ подвѣдомственны профессиональные проступки членовъ сословія, то, естественно, до занятія профессіей адвоката эти проступки трудно мыслимы. Одно и то же дѣйствіе можетъ составить проступокъ для адвоката (небрежное веденіе дѣла, пропускъ срока) и не составлять такового для частнаго лица. Наконецъ, само рѣшеніе Совѣта о примѣненіи въ разсматриваемыхъ случаяхъ лишь одной мѣры взысканія—исключенія изъ сословія, указываетъ на то, что дисциплинарной отвѣтственности въ собственномъ смыслѣ здѣсь нѣтъ. Поэтому въ оцѣнкѣ старыхъ тяжкихъ проступковъ принятаго члена сословія можно скорѣе видѣть особую форму п е р е с м о т р а постановленія о принятіи, въ силу вновь открывшихся обстоятельствъ,—пересмотра, который при неблагопріятномъ результатѣ и въ силу ранѣе состоявшагося постановленія о принятіи, по необходимости долженъ выразиться въ исключеніи изъ сословія.

Второй вопросъ,—подлежитъ ли прекращенію дисциплинарное производство о присяжномъ повѣренномъ или его помощникѣ послѣ того, какъ тотъ или другой добровольно оставили сословіе, подавъ заявленіе объ отчисленіи,—наиболѣе полно разработанъ Одесскимъ Совѣтомъ. Здѣсь по частному случаю, возникшему въ практикѣ Совѣта въ концѣ 1909 г., былъ представленъ докладъ пр. пов. Блюменфельда¹⁾, въ которомъ вопросъ разработанъ съ почти исчерпывающей полнотой. Совѣтъ нашель, что при обсужденіи въ дисциплинарномъ порядкѣ дѣйствій лица, оставляющаго сословіе, борются два принципа: «первый, въ силу коего никто не можетъ по собственному усмотрѣнію освободиться отъ отвѣтственности за допущенное нарушеніе обязанностей, и второй, въ силу коего дисциплинарное взысканіе постигаетъ виновнаго, какъ члена определенной корпорации, т.-е. пока онъ состоитъ ея членомъ. По отношенію къ должностнымъ лицамъ оба принципа находятъ примиреніе въ правилѣ, въ силу коего власть, назначающая лицо на службу, можетъ не принимать отставки и не допускать выхода изъ служебной корпорации до окончанія дисциплинарнаго производства».

¹⁾ Одесскій отчетъ, 1909 г., стр. 21—32.

Но по отношенію къ присяжнымъ повѣреннымъ эта система непримѣнима: «законъ знаетъ «порядокъ поступленія въ число присяжныхъ повѣренныхъ» (ст. 379—382 Учр. Суд. Уст.), но не знаетъ особаго порядка увольненія изъ этого званія. Съ момента подачи заявленія объ отчисленіи присяжный повѣренный слагаетъ съ себя обязанности званія и выбываетъ изъ корпорации, и дальнѣйшее удержаніе его въ ней является дѣйствіемъ незаконномѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, юридически ничтожнымъ». Отсюда необходимость искать выхода не въ компромиссѣ между двумя названными принципами, а въ выборѣ одного изъ изъ нихъ. Разрѣшая послѣдній вопросъ, Совѣтъ съ полнымъ основаніемъ отмѣчаетъ, что замѣна окончательнаго сужденія Совѣта о дисциплинарномъ поступкѣ какой-либо палліативной реакціей на него не только противорѣчитъ природѣ дисциплинарнаго производства, но наноситъ ущербъ интересамъ уходящаго члена сословія, ради котораго такой палліативъ могъ бы быть установленъ. Поэтому, напр., представляется неприемлемымъ сохраненіе—взамѣнъ окончанія дисциплинарнаго производства—замѣтки о жалобахъ и фактахъ, обнаруженныхъ до ухода изъ сословія. Въ этомъ случаѣ «факты противоположнаго свойства, которые могъ бы привести въ свое оправданіе изобличаемый, съ теченіемъ времени могутъ изгладиться и стусеваться, и возстановленіе ихъ представится довольно труднымъ и даже невозможнымъ въ тотъ моментъ, когда лицо, ушедшее изъ сословія, пожелаетъ вновь вернуться въ него, и начнется обсужденіе его нравственной цѣнности. Еще хуже, если ходатайство о новомъ зачисленіи будетъ заявлено другому Совѣту, которому будутъ сообщены односторонніе факты. Мало того, незаконченное производство лишаетъ возможности принести жалобу во вторую инстанцію и, бросая тѣнь на ушедшаго повѣреннаго, отнимаетъ у него законное средство дальнѣйшей защиты». Принявъ въ соображеніе приведенные доводы, Совѣтъ постановилъ: «признать, что дисциплинарное производство, возбужденное до подачи заявленія объ отчисленіи изъ званія, прекращенію не подлежитъ» (Журн. пост. 19 декабря 1909 г.)¹⁾.

¹⁾ Таковы и предположенія Комиссіи 1894 г. въ Учрежд. Суд. Уст.: «добровольный выходъ изъ сословія не прекращаетъ возбужденнаго противъ

Рѣшеніе общаго вопроса о производствѣ дисциплинарнаго дѣла послѣ ухода изъ сословія включаетъ въ себѣ отвѣтъ на частный случай—переходъ лица, противъ коего начато дисциплинарное производство, въ другой округъ. Этотъ вопросъ возникъ въ практикѣ Петроградскаго Совѣта и, послѣ первоначально отрицательнаго отвѣта на томъ основаніи, что Совѣту подсудны только приписанные къ его округу присяжные повѣренные, былъ, согласно рѣшенію Палаты, разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

II.

Подсудность предметная.

1. П р е д ѣ л ы д и с ц и п л и н а р н а г о с у д а. Вопросъ о томъ, какія дѣйствія подвѣдомственны дисциплинарному суду Совѣта, представляетъ значительныя трудности. Въ имѣющихся наказахъ на него нѣтъ отвѣта. Законъ, опредѣляющій сословныя обязанности присяжнаго повѣреннаго, ограничивается очень немногими указаніями: присяжный повѣренный не можетъ отказаться отъ исполненія даннаго ему порученія безъ достаточныхъ основаній (394), не можетъ пріобрѣтать правъ своихъ довѣрителей (400), не можетъ дѣйствовать въ качествѣ повѣреннаго противъ своихъ ближайшихъ родственниковъ (401), не можетъ одновременно или послѣдовательно защищать интересы обѣихъ спорящихъ сторонъ (402), не можетъ оглашать тайны своего довѣрителя (403), не можетъ нарушать установленныхъ «формъ и правилъ». Наконецъ, присяжный повѣренный обязанъ вести списокъ дѣлъ и представить его Совѣту по первому требованію. Такъ какъ общеуголовной санкціи этихъ предписаній нѣтъ, то, естественно, нарушеніе этихъ нормъ, содержащихъ спеціальныя указанія о п р о ф е с-

присяжнаго повѣреннаго дисциплинарнаго производства и не лишаетъ Совѣтъ права начать противъ него новое производство» (ст. 429). Такъ и Соед. Прис. нашло: «Добровольный отказъ отъ званія прис. пов. не лишаетъ Совѣтъ возможности войти въ обсужденіе дѣйствій сего лица, совершенныхъ имъ въ то время, когда оно еще состояло въ званіи прис. пов.» (23 ноября 1895 г., № 151. Сб. Кадмина).

с і о н а л ь н ы х ъ обязанностяхъ повѣреннаго, должно составить предметъ дисциплинарнаго производства.

Но могутъ ли Совѣты ограничиваться этимъ узкимъ кругомъ предусмотрѣнныхъ въ законѣ случаевъ? Поскольку дисциплинарная власть Совѣтовъ осуществляетъ идею с о с л о в н а г о контроля, она неизбежно должна клониться къ распространенію контроля не только надъ всѣми членами Совѣта, но и надъ всею дѣятельностью членовъ сословія. Отсюда необходимость возможнаго расширенія дисциплинарной власти Совѣта. Этотъ принципъ, однако, дабы личность члена сословія не подавлялась сословнымъ патронатомъ, долженъ уравновѣшиваться противоположнымъ началомъ: дисциплинарная власть Совѣта, чтобы жизнь сословія текла нормально, должна имѣть свои границы, свои о б ъ е к т и в н ы е к р и т е р і и, которые давали бы въ однихъ случаяхъ С о в ѣ т у право привлекать къ дисциплинарной отвѣтственности, въ другихъ—ч л е н а м ъ с о с л о в і я право дѣйствовать внѣ сословной подотчетности. Трудности вопроса о предметной подсудности и связаны съ опредѣленіемъ хотя бы приблизительнымъ этихъ объективныхъ граней.

Не подлежитъ, прежде всего сомнѣнію, что п р о ф е с с і о н а л ь н а я дѣятельность адвоката подлежитъ сословному контролю. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлаются попытки сузить дисциплинарную власть Совѣтовъ, сторонники этого направленія сознаютъ необходимость «предоставить Совѣту право разбирать тѣ поступки присяжныхъ повѣренныхъ, которые учинены ими въ сферѣ адвокатской ихъ дѣятельности»¹⁾; при этомъ объемъ профессиональной дѣятельности всѣми понимается широко. Несмотря на нѣкоторыя колебанія въ первоначальной практикѣ Петроградскаго Совѣта, опредѣлился взглядъ, что дѣятельность адвоката, подлежащая безусловному дисциплинарному контролю, касается всѣхъ дѣйствій а д в о к а т а, независимо отъ того, дѣйствовалъ ли членъ сословія въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго и присяжнаго стряпчаго, въ судебномъ или иномъ учрежденіи, по довѣренности или безъ нея, по своему или чужому дѣлу.

¹⁾ Записка Бѣликова на общемъ собраніи петроградскихъ прис. пов. 15 окт. 1872 г.

Контроль профессиональной деятельности не есть контроль профессионального искусства или профессиональной опытности. Въ области технической профессиональной подготовки лишь грубое невѣжество могло бы дать основаніе для дисциплинарнаго вмѣшательства. Вообще же контроль профессиональной деятельности касается исключительно общественно-моральной стороны этой деятельности. Поэтому Московскій Совѣтъ ¹⁾ съ полнымъ основаніемъ не нашелъ возможнымъ «провѣрять взводимые на помощника присяжнаго повѣреннаго упреки, какъ касающіеся способа веденія защиты въ смыслѣ искусства ея и умѣлости».

Съ той же отчетливостью, съ какой сторонники ограниченій компетенціи Совѣтовъ признають необходимымъ распространить дисциплинарную власть Совѣта надъ всею профессиональною деятельностью адвоката, сторонники противоположнаго взгляда, отстаивающіе широкія полномочія Совѣта, признають стоящей внѣ сословнаго контроля личную жизнь членовъ сословія. На общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ Петроградскаго округа 15 октября 1872 года, гдѣ широко дебатировался вопросъ о предѣлахъ дисциплинарной власти, рядъ ораторовъ, высказывавшихся за широкую компетенцію Совѣта, признавали, что «единственная сфера, которой Совѣтъ никогда не касался и не будетъ касаться, это—сфера частной домашней жизни».

Такимъ образомъ, какъ бы намѣчаются двѣ точно разграниченныя сферы вмѣшательства и невмѣшательства Совѣтовъ—профессиональная деятельность и личная жизнь члена сословія. Однако—и въ этомъ трудность задачи—съ принятіемъ этого дѣленія вопросъ о предѣлахъ дисциплинарной власти еще не рѣшается. Прежде всего самое различіе дѣйствій профессиональныхъ и личныхъ отчетливѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Въ жизни множество случаевъ, когда провести грань и зафиксировать качество, въ которомъ дѣйствуетъ присяжный повѣренный, очень трудно. Съ другой стороны—и это въ особенности подчеркивалось на засѣданіи 15 октября—«для присяжныхъ повѣренныхъ, кромѣ нравственности спеціальной, необходима

¹⁾ Московскій Совѣтъ, 1909—1910 г., № 246.

прежде всего и нравственность о б щ а я», и поэтому «нельзя отнимать отъ Совѣта власть контролировать послѣднюю». Если же признать необходимость контроля и надъ «общей нравственностью», то послѣдовательно не можетъ быть устраненъ дисциплинарный надзоръ и изъ той сферы дѣйствія «общей нравственности», которая проявляется въ личной жизни.

Въ нѣкоторой степени право Совѣта проникнуть за предѣлы профессиональной дѣятельности признавалось и сторонниками чистаго профессионализма: они лишь считали необходимымъ точно опредѣлить эти случаи. Такъ въ запискѣ Бѣликова проектировалось, что «Совѣтъ въ томъ только единственномъ случаѣ можетъ возбудить дисциплинарное производство за поступокъ, совершенный присяжнымъ повѣреннымъ внѣ его адвокатскихъ обязанностей, когда за таковой поступокъ, составляющій самъ по себѣ преступленіе, состоялся уже обвинительный судебный приговоръ». Единомышленники г. Бѣликова выдвигали и иную п р о ц е с с у а л ь н у ю гарантію проникновенія дисциплинарнаго контроля въ непрофессиональную дѣятельность въ мѣру необходимаго: они предлагали постановить, чтобы Совѣтъ въ случаяхъ, когда его разсмотрѣнію подлежить дѣятельность присяжнаго повѣреннаго не какъ адвоката, не постановляя своего приговора, вносилъ предварительно каждый отдѣльный случай на разрѣшеніе общаго собранія, долженствующаго играть при этомъ роль обвинительной камеры. Жизнь, однако, какъ мнѣніе большинства на указанномъ собраніи, пошла по другой линіи.

Ф о р м а л ь н о гарантіей бережнаго отношенія къ тайнѣ и свободѣ личной жизни служилъ тотъ органъ, которому принадлежитъ инициатива дисциплинарнаго преслѣдованія и право дисциплинарныхъ взысканій—Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Свободно избранные сословіемъ и облеченные его довѣріемъ, Совѣты послѣдовательно заслуживаютъ и того спеціальнаго довѣрія, которое предполагается возможностью контроля личной жизни члена сословія. Полувѣковая практика Совѣтовъ въ этомъ отношеніи не вызвала острыхъ осложненій, если не считать незначительныхъ разногласій, вспыхивавшихъ на общихъ собраніяхъ при теоретическомъ обсужденіи отчетовъ.

П о с у щ е с т в у дисциплинарная практика, въ самомъ

процессъ работы не связанная ограничительными директивами общихъ собраній, выработала опредѣленные условія, при которыхъ допустимъ дисциплинарный контроль частной жизни, да, наконецъ, и сами Совѣты въ интересахъ единообразной практики должны были исходить изъ извѣстныхъ руководящихъ началъ.

Эти начала, нынѣ у порога новаго полувѣка, могутъ казаться безъ риска значительныхъ уклоненій быть опредѣлены словами, которыя зафиксированы въ обзорѣ 25-лѣтія московской адвокатуры.

«Совѣтъ—дисциплинарное судилище присяжныхъ повѣренныхъ и потому въ вопросахъ корпоративной чести, въ дѣлѣ профессиональныхъ проступковъ его компетенція полная и безусловная, но въ сферѣ понятія о чести, долгѣ, такъ же какъ и въ сферѣ мысли, политики, религіи, юрисдикція его ограничена лишь той стороною дѣянія присяжныхъ повѣренныхъ, которая можетъ вліять на степень довѣрія къ нему со стороны общества». Въ свое время эта формула на страницахъ «Юридическаго Вѣстника» подверглась критикѣ. Было указано, что «это только фраза, ибо въ сущности каждый невѣрный членъ можетъ подрывать довѣріе къ человѣку, такъ что фразою о нарушеніи степени довѣрія, «какъ къ человѣку», Совѣтъ устанавливаетъ лишь «безпредѣльность» своей юрисдикціи». Авторъ предлагаетъ установить въ качествѣ критерія нарушеніе довѣрія къ присяжнымъ повѣреннымъ, «какъ къ т а к о в ы м ъ». Но въ извѣстномъ смыслѣ и это «только фраза», ибо врядъ ли мыслимо нарушеніе довѣрія къ адвокату, какъ таковому, при сохраненіи нетронутымъ довѣрія къ нему, какъ человѣку, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ допускаетъ, что отъ предлагаемой имъ точки зрѣнія «могутъ быть отступленія, вызванныя жизнью». Существо вопроса именно въ этихъ отступленіяхъ. И здѣсь нѣтъ иного выхода, какъ, опираясь на довѣріе къ выборному сословному органу, ограничиться общей формулой хотя бы въ качествѣ повседневнаго практическаго руководства.

Анализируя съ этой стороны практику Совѣтовъ, необходимо констатировать, что приведенная формула не привела къ чрезмерному расширенію дисциплинарной власти Совѣтовъ. Достаточно отмѣтить, что Петроградскій Совѣтъ, которому вотумомъ

общаго собранія было предоставлено по своему убѣжденію опредѣлять предѣлы дисциплинарнаго контроля, неоднократно ограждалъ частную жизнь членовъ сословія отъ попытокъ жалобщиковъ сдѣлать ее предметомъ дисциплинарнаго разбирательства. Такъ, Совѣтъ нашель, что «личное столкновение между кѣмъ-либо изъ присяжныхъ повѣренныхъ и посторонними лицами, вызванное такими обстоятельствами и причинами, которыя ничего общаго съ профессиональной дѣятельностью присяжнаго повѣреннаго не имѣютъ, могли бы служить предметомъ подробнаго со стороны Совѣта разсмотрѣнія и разслѣдованія въ томъ случаѣ, если бы въ поступкахъ присяжнаго повѣреннаго обнаружились такія отступленія отъ обязательныхъ для каждаго честнаго и порядочнаго человѣка правилъ, которыя лишили бы присяжнаго повѣреннаго должнаго уваженія и довѣрія»¹⁾.

Аналогично Московскій Совѣтъ счелъ необходимымъ подчеркнуть, что область частныхъ гражданскихъ отношеній члена сословія находится внѣ дисциплинарнаго контроля и отношенія должника къ кредитору возникли между прис. пов. О. и купцомъ Л. не на почвѣ профессиональной дѣятельности прис. повѣреннаго О.; что въ компетенцію Совѣта входитъ лишь сужденіе о дѣйствіяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ таковыхъ, при отправленіи ими ихъ профессиональныхъ обязанностей, и Совѣтъ не въ правѣ вторгаться въ область частныхъ гражданскихъ отношеній членовъ адвокатуры, подлежащихъ въ этомъ отношеніи вѣдѣнію судебныхъ установленій,—Совѣтъ опредѣляетъ: жалобу Л. признать неподлежащей вѣдѣнію Совѣта²⁾.

Если въ установленіи предѣловъ дисциплинарной власти Совѣтовъ можетъ быть отмѣчена ограничительная тенденція, время отъ времени выступающая на общихъ собраніяхъ, то съ другой стороны необходимо указать, что жизни сословія извѣстны и случаи, когда тѣ же общія собранія выступали съ инициативой расширенія компетенціи Совѣта. Здѣсь заслуживаютъ быть отмѣченными два вопроса: вопросъ о взи-

¹⁾ «Юрид. Вѣсти.» 1891 г., IX М. А. «Предѣлы вѣдомства дисциплинарнаго суда въ сословіи присяжныхъ повѣренныхъ», стр. 115.

²⁾ Отчетъ 1909—1910 г., № 263.

маніи сословныхъ сборовъ и вопросъ о борьбѣ съ карточной игрой.

Значительнымъ большинствомъ—78 противъ 21—была признана желательность принятія Совѣтомъ принудительныхъ мѣръ къ взысканію съ присяжныхъ повѣренныхъ недоимокъ, и такимъ образомъ предѣлы дисциплинарнаго надзора расширены постановленіемъ самого общаго собранія. Была сдѣлана попытка и въ иномъ направленіи раздвинуть рамки сословнаго контроля: на общемъ собраніи 29 декабря 1894 года былъ возбужденъ вопросъ о мѣрахъ борьбы съ карточнымъ азартомъ, принявшимъ угрожающіе размѣры. Большинство, однако, не сочло возможнымъ по существу обсуждать этотъ вопросъ.

2. Б е с ѣ д а з а щ и т н и к а с ѣ п о д с у д и м ы м ѣ ,
ка к ѣ п р е д м е т ѣ д и с ц и п л и н а р н а г о с у д а . В о -
п р о с ѣ о п р е д ѣ л а х ѣ д и с ц и п л и н а р н а г о р а з с л ѣ д о в а н і я , б ы т ь м о -
ж е т ь , н е в ы з ы в а л ь б ы н а п р а к т и к ѣ з н а ч и т е л ь н ы х ѣ з а т р у д н е н і й ,
е с л и б ы и н и ц і а т и в а д и с ц и п л и н а р н а г о п р е с л ѣ d o в a н і я в с е г д а
п р и н а д л е ж а л а в ы б о р н ы м ѣ с о с л о в н ы м ѣ о р г а н а м ѣ —С о в ѣ т а м ѣ .
Н о , к а к ѣ и з в ѣ с т н о , в ѣ м ѣ с т а х ѣ , г д ѣ н ѣ т ѣ С о в ѣ т о в ѣ , ф у н к ц і и
е г о п е р е х о д я т ѣ к ѣ О к р у ж н ы м ѣ С у д а м ѣ . З д ѣ с ѣ о п а с н о с т ь р а с ш и -
р е н і я д и с ц и п л и н а р н а г о н а d з o p a п р и н и м а е т ѣ д ѣ й с т в и т е л ь н о
к о н к р е т н ы я ф о р м ы . И з ѣ с л у ч а е в ѣ , о т н о с я щ и х с я к ѣ э т о й о б л а -
с т и , н е м о ж е т ѣ б ы т ь о б о й d e н o м о л ч а н і e м ѣ п р и в л е к ш e e в с e o б щ e e
в н и м а н і e д ѣ л o в а р ш а в с к a г o п р и с я ж н a г o п о в ѣ р e n n a г o П . В ѣ
э т o м ѣ д ѣ л ѣ в о з н и к ѣ в е с ь м а в а ж н ы й п р и н ц и п і а л ь н ы й в о п р o c ѣ о
т o м ѣ , м o г у т ѣ л и с o в ѣ т ы и у к а з a н і я , д a n n ы e
з а щ и т н и к o м ѣ п o д с у д и м o м у o т н o c и т e л ь н o
c и c t e m ы и c п o c o б o в ѣ з а щ и т ы , б ы т ь п р e d -
м e t o м ѣ д и с ц и п л и н а р н a г o p a з c л ѣ d o v a н і я ,
в ѣ п р a в ѣ л и у ч р e ж d e n і я , к o т o р ы м ѣ з a k o н o м ѣ п р e d o c t a в л e n ы n a d -
з o p ѣ и д и c ц и п л и н a p n a я в л a c t ь n a d ѣ п р и с я ж н ы м и п o в ѣ р e n н ы м и ,
в ы c л y ш и в a т ь и п р и н и м a т ь к ѣ c в o e м у p a z c m o t p ѣ n і o к a к і я б ы т o
н и б ы л o з a я в л e n і я и п o k a z a n і я п o э т o м у п р e d m e t y и п o т р e б o в a т ь
п o н и м ѣ o т ѣ з a щ и т н и k o в ѣ o б ѣ я c n e n і й . В а р ш a в c k a я С y д e б н a я
П a л a t a p a z p ѣ ш и л a э т o т ѣ в o п р o c ѣ в ѣ п o л o ж и т e л ь н o м ѣ c m ы c л ѣ и ,
п р и з н a в ѣ , н a o c н o в a n і и п o k a z a n і я п o d z a щ и т n a г o Б . , ч т o П . п р и
p a z p ѣ ш e n n o м ѣ e m y , н a o c н o в a n і и c t . 569 У c t . У г o л . С y d o п р . ,
c в и d a n і и c ѣ e g o п o d z a щ и т н ы м ѣ Б . п o c o в ѣ t o в a л ѣ п o c л ѣ d n e m y

отказаться на судѣ отъ учиненнаго имъ на предварительномъ слѣдствіи признанія и отъ оговора обвиняемыхъ, исключила П. При этомъ Палата исходила изъ того соображенія, что «законъ, гарантируя тайну совѣщанія защитника съ подсудимымъ, имѣетъ въ виду интересы послѣдняго, а не защитника; подсудимый воленъ снять завѣсу тайны съ своей исповѣди и сдѣлать ее предметомъ публичнаго обсужденія».

Допущенный этимъ рѣшеніемъ дисциплинарный надзоръ за объясненіемъ защитника съ подзащитнымъ былъ не только отвергнутъ общественнымъ мнѣніемъ сословія, но и оцѣненъ, какъ покушеніе на основныя права защиты. Взгляды сословія, если не его настроенія, нашли выраженіе въ Объяснительной запискѣ, представленной по постановленію Петроградскаго Совѣта отъ 26 ноября 1911 года Министру Юстиціи и Первоприсутств. Соединен. Прис.

«Ст. 369 Уст. Уг. Судопр., предоставляющая защитнику объясняться наединѣ съ подсудимымъ», указывалось въ этой запискѣ, «и ст. 704 п. 3, не допускающая свидѣтельства защитника по поводу сдѣланныхъ ему обвиняемымъ сообщеній, не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы ихъ примѣненіе могло зависѣть отъ желанія подсудимаго и что, при согласіи послѣдняго, защитникъ долженъ или въ правѣ отказаться отъ ихъ соблюденія. Нѣтъ также основаній утверждать, что эти постановленія закона, съ которыми находится въ соответствіи запрещеніе разглашать тайны своего довѣрителя, изложенное въ ст. 403 Учр. Суд. Уст., имѣютъ въ виду частный интересъ обвиняемаго. Эти законы, какъ вообще всѣ постановленія Уст. Угол. Судопр., прежде всего установлены въ публичныхъ интересахъ правосудія.

Такъ смотрѣли на значеніе ст. 704 Уст. Угол. Судопр. составители Судебныхъ Уставовъ (Объяснительная записка 1863 г., стр. 344—345), равно какъ и Высочайше учрежденная Комиссія для пересмотра законоположенія по Судебной части (Объясн. зап., т. II, стр. 391—393). Установленная въ законѣ тайна совѣщанія не можетъ быть нарушена не только по одностороннему желанію обвиняемаго или защитника, но и по обоюдному ихъ согласію, ибо по смыслу ст. 704 защитникъ безусловно не допускается къ свидѣтельству. Если бы согласиться съ тѣмъ,

что отъ подсудимаго зависитъ, по своему усмотрѣнію, раскрыть тайну совѣщанія съ защитникомъ и сдѣлать содержаніе таковаго предметомъ гласнаго обсужденія, то необходимо было бы придумать способы огражденія защитника отъ того безвыходнаго положенія, въ которое его можетъ ставить сообщеніе о сущности объясненій, происходившихъ наединѣ, съ глазу на глазъ, по требованію самого закона; но найти такія средства совершенно невозможно. Если сохраненіе тайны совѣщанія необходимо съ одной стороны въ огражденіе обвиняемаго, въ охраненіе его исповѣди, то съ другой стороны столь неизбежно для обезпеченія свободы защиты, для гарантіи защитника. Тотъ путь, на который ступила Варшавская Судебная Палата по дѣлу П., долженъ вести къ уничтоженію права защиты, такъ какъ изъ чувства самосохраненія защитникъ долженъ будетъ избѣгать всякихъ свиданій съ подсудимымъ наединѣ, онъ долженъ будетъ всегда бояться того камня, который обвиняемый можетъ держать за пазухой, онъ будетъ озабоченъ обезпеченіемъ себѣ свидѣтелей на случай навѣтовъ и обвиненій, могущихъ быть результатомъ какъ злой воли, такъ и недоразумѣній со стороны подзащитнаго.

Безусловность тайны совѣщанія защитника съ обвиняемымъ признается вездѣ на Западѣ какъ законами, такъ и судебной практикой, и не подверглась до послѣдняго времени никакому сомнѣнію и у насъ».

Какъ извѣстно, эта аргументація не измѣнила взгляда Сената...

3. Основаніе жалобы — предметъ гражданскаго спора. Въ своихъ отношеніяхъ къ доверителю или къ третьимъ лицамъ присяжный повѣренный, какъ всякое лицо, является стороной въ гражданскомъ смыслѣ: у него возникаютъ права и обязанности, покоящіяся на общихъ основаніяхъ или спеціальномъ соглашеніи и подлежащія толкованію въ томъ или иномъ смыслѣ. Съ полнымъ основаніемъ Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, ссылаясь на ст. 1 Уст. Гр. Судопр. и избѣгая смѣшенія функцій суда дисциплинарнаго и гражданскаго, дѣла, имѣющія своимъ предметомъ этотъ споръ, устраняли изъ своей оцѣнки.

Нѣкоторыя колебанія въ практикѣ Совѣтовъ могутъ быть

отмѣчены лишь въ связи съ спеціальнымъ моментомъ взаимоотношеній повѣреннаго и довѣрителя—уплатой г о н о р а р а. Не можетъ быть, конечно, сомнѣнія въ томъ, что поскольку соглашеніе о гонорарѣ само по себѣ содержитъ элементы недобросовѣстнаго отношенія къ довѣрителю, оно должно и можетъ служить предметомъ дисциплинарнаго производства. Сомнѣнія возникаютъ въ связи съ другимъ вопросомъ: въ какой мѣрѣ Совѣты должны по существу разрѣшать спорные расчеты о гонорарѣ между повѣреннымъ и довѣрителемъ. Законъ въ качествѣ особой функціи Совѣтовъ отмѣчаетъ «опредѣлять количество вознагражденія повѣренному по таксѣ, въ случаѣ несогласія по сему предмету между нимъ и тяжущимся и когда не заключено между ними письменнаго условія» (п. 6 ст. 367). Такимъ образомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ письменнаго соглашенія, Совѣты не въ правѣ уклоняться отъ рѣшенія по таксѣ спора о гонорарѣ, хотя онъ по существу и имѣетъ значеніе гражданскаго спора. Въ этомъ случаѣ, однако, Совѣтъ дѣйствуетъ не въ качествѣ дисциплинарной инстанціи, слѣдовательно, не въ порядкѣ дисциплинарнаго производства. Это вытекаетъ изъ текста ст. 367, гдѣ особо оговорено разслѣдованіе жалобъ и особо—на ряду съ обязанностями Совѣтовъ по выдачѣ свидѣтельствъ о несудимости и др.—опредѣленіе вознагражденія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и постановленія Совѣтовъ по жалобамъ о гонорарныхъ расчетахъ содержатъ, съ одной стороны, рѣшеніе по существу дисциплинарнаго разслѣдованія (оставить жалобу безъ послѣдствій или наложить взысканіе), съ другой стороны, опредѣленіе размѣра вознагражденія. Но и въ качествѣ спеціальной функціи, не тождественной съ функціей дисциплинарнаго суда, опредѣленіе размѣра вознагражденія по существу не есть разборъ гражданскаго спора: п. 6 ст. 367 говоритъ лишь о спеціальномъ случаѣ опредѣленія вознагражденія по таксѣ, если при томъ нѣтъ письменнаго соглашенія. Слѣдовательно, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда между повѣреннымъ и довѣрителемъ заключено письменное условіе, но и тогда, когда вознагражденіе можетъ быть опредѣлено лишь путемъ разбора по существу потраченнаго труда и соотвѣтственной его оцѣнки, Совѣтъ не можетъ опредѣлить размѣръ причитающагося повѣренному воз-

награжденія: въ этихъ случаяхъ споръ, по общему правилу, можетъ быть рѣшенъ лишь въ гражданскомъ судѣ.

Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что Совѣты иногда разрѣшали спорные вопросы о гонорарѣ по существу, но Сенатъ призналъ это неправильнымъ ¹⁾.

4. Основаніе жалобы — уголовно-наказуемое дѣяніе. Уголовное правосудіе обращается къ лицу, какъ къ члену общегитіа; оно караетъ посягательство на блага, которыя съ точки зрѣнія этого общегитія заслуживаютъ уголовной охраны. Дисциплинарный судъ обращается къ нему, какъ къ члену сословія; онъ послѣдовательно взыскиваетъ за тѣ проступки, которые, независимо отъ наличія въ нихъ или отсутствія общеуголовнаго элемента, нарушаютъ дѣятельность, обычаи и взгляды сословія. Ограждая различныя цѣнности—порядокъ общественный и сословный,—разсматривая дѣйствія съ различныхъ точекъ зрѣнія—запретности подъ страхомъ наказанія и этико-сословной допустимости—уголовное и дисциплинарное производства не сливаются другъ съ другомъ. Они поэтому далѣе самостоятельны, ибо какъ уголовное обвиненіе можетъ возникнуть безъ возбужденія дисциплинарнаго преслѣдованія, такъ и наоборотъ, дисциплинарное обвиненіе можетъ возникнуть безъ уголовного. Они наконецъ независимы, ибо одно и то же дѣяніе, закончившееся оправдательнымъ или обвинительнымъ приговоромъ въ одномъ порядкѣ, можетъ въ другомъ закончиться приговоромъ противоположнымъ. Эти общія положенія въ практикѣ Совѣтовъ, однако, не всегда и не вездѣ находили отчетливое признаніе. Основаніемъ для сомнѣній, а порой и фактическаго смѣшенія уголовного и дисциплинарнаго производства послужила ст. 355.

Согласно 6 п. ст. 355, «присяжными повѣренными не могутъ быть состоящіе подъ слѣдствіемъ за преступленія и проступки, влекущіе за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, и тѣ, которые, бывъ подъ судомъ за такіе преступленія или проступки, не оправданы судебными приговорами». Совѣты

¹⁾ «Вѣстникъ Права» 1915 г. № 49. Соед. Прис. 1-го Кас. Деп. по жалобѣ прис. пов. Пинкуса.

въ нѣкоторыхъ случаяхъ стали понимать это положеніе распространительно въ томъ смыслѣ, что сространіе подъ слѣдствіемъ является препятствіемъ не только къ вступленію, но и къ нахожденію въ сословіи, и что поэтому членъ сословія, оказавшійся подъ слѣдствіемъ за преступленія, влекущія ограниченія правъ, долженъ быть отчисленъ на основаніи упомянутого п. 6. Такъ, въ 1885 г. Петроградскій Совѣтъ, руководствуясь п. 6, отчислилъ изъ сословія присяжнаго повѣреннаго Г., привлеченнаго къ отвѣтственности за присвоеніе.

Такое толкованіе вызываетъ серьезныя сомнѣнія. Оно, прежде всего, не согласовано съ цѣлью ст. 355: она опредѣленно говоритъ о препятствіяхъ къ вступленію въ сословіе, а не къ нахожденію, ибо, очевидно, напр., что недостиженіе двадцатилѣтняго возраста (п. 1 ст. 155) не можетъ быть фактомъ, который можетъ наступить послѣ пріема въ сословіе. Далѣе, механическое отчисленіе отъ сословія на основаніи постановленія органа, стоящаго внѣ сословія, стѣсняетъ его безспорное право на автономное существованіе. Есть, поэтому, много горькой правды въ слѣдующихъ словахъ Джантіева по поводу упомянутого постановленія Петроградскаго Совѣта: «Совѣтъ самъ добровольно низвелъ себя съ положенія учрежденія, имѣющаго право и обязанность самостоятельнаго сужденія объ инкриминируемыхъ дѣйствіяхъ подвѣдомственнаго ему присяжнаго повѣреннаго на степень послушнаго исполнителя постановленій судебныхъ слѣдователей». Позднѣйшая практика подтвердила правильность высказаннаго Джантіевымъ взгляда и возстановила права Совѣта на самостоятельное рѣшеніе вопроса объ отчисленіи лица, привлеченнаго къ уголовной отвѣтственности.

Въ 1907 г. общее собраніе ¹⁾ отмѣтивъ, что «въ законѣ не указано, какъ надлежитъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда состоящій уже въ званіи присяжнаго повѣреннаго будетъ привлеченъ къ слѣдствію по обвиненію въ указанномъ въ п. 6 ст. 315 Укр. Суд. Уст. преступныхъ дѣяній», признало правильность предшествующей практики, коей установлено: 1) «что о возбужденномъ противъ присяжныхъ повѣренныхъ преслѣдованіи

¹⁾ 24 сентября 1907 года, № 25.

за дѣянія, предусмотрѣнныя Улож. о Нак. или Уст. о Нак., а также о преданіи ихъ за подобное дѣяніе суду, надлежитъ извѣщать Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ или замѣщающіе ихъ Окружные Суды, которые по обстоятельствамъ дѣла въ правѣ (но не обязаны) принимать противъ обвиняемыхъ одну изъ мѣръ, указанныхъ п. 3 или 4 368 ст. Учр. Суд. Уст., и 2) что принятіе означенныхъ мѣръ можетъ послѣдовать не иначе, какъ по истребованію отъ присяжнаго повѣреннаго объясненія, а при необходимости временнаго устраненія его отъ веденія дѣлъ въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ, безъ истребованія сего объясненія и по разсмотрѣніи дѣйствій обвиняемаго въ порядкѣ дисциплинарнаго производства».

Согласно этого рѣшенія привлеченіе къ уголовной ответственности по обвиненію въ преступленіи, грозящемъ лишеніемъ правъ, не влечетъ за собой обязательнаго отчисленія изъ сословія: Совѣтъ входитъ въ разсмотрѣніе по существу обстоятельствъ дѣла, и въ порядкѣ дисциплинарнаго производства принимаетъ «одну изъ мѣръ, указанныхъ въ пп. 3 и 4 368 ст.». Указаніе на принятіе лишь одной изъ этихъ мѣръ (запрещеніе практики или исключеніе) имѣетъ, очевидно, въ виду, что въ случаяхъ привлеченія къ уголовной ответственности Совѣты, не разрѣшая дисциплинарнаго дѣла въ полномъ объемѣ, рѣшаютъ лишь вопросъ о возможности оставленія въ сословіи привлеченнаго къ уголовной ответственности. Именно въ этомъ смыслѣ и понимали свою роль Совѣты въ случаяхъ привлеченія члена сословія къ уголовной ответственности. Такъ, Петроградскій Совѣтъ ¹⁾ устранилъ прис. повѣр. изъ числа п. п. округа Петроградской Судебной Палаты впредь до окончанія возбужденнаго о немъ ревизующимъ сенаторомъ Нейдгардомъ уголовного дѣла, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи сего дѣла войти въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, можетъ ли онъ, п. п., быть вновь зачисленъ въ списки п. п. или подлежить исключенію изъ числа п. п. округа Петроградской Судебной Палаты. (Журн. 11 мая 1911 г., ст. 26).

¹⁾ Отчетъ Петроградскаго Совѣта присяж. повѣр. за 1911—1912 г., стр. 81—19. Палата утвердила это постановленіе.

Такъ понявъ соотношеніе дисциплинарнаго производства и уголовного обвиненія и распорядительный комитетъ Кіевской консультаціи. Кіевскій Окружнй Судъ постановилъ возбуждать противъ прис. пов. Д. дисциплинарное производство, на основаніи сообщенія прокурора, о привлеченіи Д. къ отвѣтственности по 129 ст. Судъ потребовалъ отъ распорядительнаго комитета Кіевской консультаціи заключенія по поводу возбужденнаго противъ Д. производства. Распорядительный комитетъ, «принявъ во вниманіе, что дѣло о Д. Судебной Палатой еще не разрѣшено, что рѣшеніе уголовного суда въ данномъ положеніи дѣла можетъ сыграть рѣшительную роль, такъ какъ Д. можетъ быть и оправданъ, а оправданіе можетъ имѣть не только по невмѣненію ему дѣянія по существу, но и по фактическому недоказанію его, и что при этомъ, а въ особенности въ послѣднемъ случаѣ и въ дисциплинарномъ порядкѣ придется считаться съ фактомъ преступнаго дѣянія, существованіе котораго опровергнуто судомъ, постановилъ не входить въ существо вопроса» ¹⁾).

III.

Территоріальная подсудность.

Каждый присяжный повѣренный состоитъ приписаннымъ къ округу Судебной Палаты. Онъ поэтому прежде всего имѣетъ—хожденіе по дѣламъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ округа той Судебной Палаты, къ которой онъ приписанъ ст. 383. Но законъ даетъ присяжному повѣренному право дѣйствовать и внѣ своего округа (ст. 384). Въ этихъ случаяхъ можетъ возникнуть вопросъ: какому Совѣту подсуденъ присяжный повѣренный, приписанный къ округу А. и совершившій проступокъ при веденіи дѣла въ округѣ Б.? Вопросъ этотъ почти не вызываетъ сомнѣній: согласно ст. 384 Учр. Суд. Уст., «присяжный повѣренный, принявшій на себя хожденіе по дѣлу, начавшемуся въ округѣ, въ которомъ онъ приписанъ, имѣетъ право, по желанію тяжущагося, продолжать ходатайство по оному во всѣхъ судахъ, хотя бы это было и

¹⁾ «Право» 1907 г. № 52.

внѣ того округа, подчиняясь въ такомъ случаѣ Совѣту повѣренныхъ того мѣста, гдѣ производится дѣло». Въ нѣсколько неясной формѣ,—ибо цѣль ст. 384 опредѣлить права присяжныхъ повѣренныхъ, а не ихъ подсудность—ст. 384 въ отношеніи дисциплинарныхъ дѣлъ устанавливаетъ общій принципъ подсудности преступленій и проступковъ: по мѣсту совершения. Такимъ образомъ, при коллизіи мѣста приписки и мѣста совершения проступка рѣшающимъ является послѣднее. Въ этомъ смыслѣ вопросъ о территоріальной подсудности былъ неоднократно разъясненъ и Соед. Прис.: «Присяжный повѣренный, принявшій на себя веденіе дѣла внѣ округа той Судебной Палаты, въ которомъ онъ приписанъ, подчиняется Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ или замѣняющему его Окружному Суду того мѣста, гдѣ дѣло производится, а посему къ симъ же Совѣту или Суду переходить и право подвергать означенныхъ повѣренныхъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, опредѣленнымъ въ ст. 368 Учр. Суд. Уст., какъ за прямое нарушеніе ими своихъ обязанностей, такъ и за всякіе другіе поступки, признаваемые могущими имѣть вліяніе на степень довѣрія къ нимъ». То же положеніе повторено и позже, 6 ноября 1908 г. по дѣлу № 617 ¹⁾. Этому правилу не можетъ измѣнить и то обстоятельство, что дѣло, при веденіи коего въ другомъ округѣ былъ совершенъ проступокъ, уже закончено производствомъ къ моменту возбужденія дисциплинарнаго производства.

Если при слушаніи дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ обнаруживается неподсудность присяжнаго повѣреннаго Совѣту, разсмотрѣвшему его проступокъ, жалоба, послужившая основаніемъ къ возбужденію дисциплинарнаго производства, вмѣстѣ съ производствомъ дѣла въ первой инстанціи препровождается въ надлежащій Совѣтъ по подсудности. Такъ, Петроградскій Совѣтъ, «принимая во вниманіе, что Судебная Палата отмѣнила постановленіе Совѣта на томъ основаніи, что дѣйствія присяжнаго повѣреннаго, за которыя онъ былъ исключенъ, не относились къ судебному дѣлу, производившемуся въ С.-Петербургскомъ Округѣ, и что Совѣтъ одного округа обладаетъ дисциплинарной властью въ отношеніи присяжныхъ повѣренныхъ другого

¹⁾ Журн. Мин. Юст. 1909 г., сентябрь.

округа только по поводу тѣхъ ихъ дѣйствій, которыя касаются веденія ими судебныхъ дѣлъ въ предѣлахъ округа Совѣта, постановилъ: заявленіе присяжнаго повѣреннаго Н. Прокурору СПБ. Судебной Палаты о дѣйствіяхъ присяжнаго повѣреннаго Х. съ производствомъ Совѣта препроводить на распоряженіе Совѣта» ¹⁾).

Нельзя впрочемъ не отмѣтить, что принципъ территоріальной подсудности при нынѣшнихъ условіяхъ, когда разсмотрѣніе дѣла по мѣсту совершенія проступка нерѣдко равносильно изъятію дѣла изъ компетенціи Совѣта и передачѣ его въ вѣдѣніе Окружнаго Суда, на практикѣ примѣняется не безусловно.

§ 3. Разсмотрѣніе дисциплинарныхъ дѣлъ.

I.

Публичность.

Въ законѣ, оставившемъ почти весь сословный дисциплинарный процессъ внѣ регламентаціи, нѣтъ указаній и по вопросу о публичности засѣданій по дисциплинарнымъ дѣламъ. Соотвѣтственная ст. 281 Учр. Суд. Уст., касающаяся дисциплинарнаго производства о членахъ судебного вѣдомства, пережила значительную эволюцію. Составители Судебныхъ Уставовъ допускали гласность по инициативѣ обвиняемаго: «Дѣла дисциплинарныя», гласила ст. 281 въ редакціи 64 года, «слушаются при закрытыхъ дверяхъ, за исключеніемъ случая, когда обвиняемый будетъ просить о докладѣ дѣла, его въ публичномъ засѣданіи. Въ семъ случаѣ обвиняемый въ правѣ имѣть защитника изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ». Авторы Судебныхъ Уставовъ при этомъ исходили изъ тѣхъ соображеній, что «могутъ быть случаи, въ коихъ подсудимый, считая вводимое на него обвиненіе или подозрѣніе слишкомъ для него оскорбительнымъ, особливо же, когда оное сдѣлалось уже болѣе или менѣе гласнымъ, пожелаетъ, для полнаго возстановленія своей чести, публичнаго суда, то справедливость

¹⁾ Отчетъ за 1910—1911 г., стр. 662—666.

не дозволяетъ отказать ему въ этомъ требованіи». Для удобства же тѣхъ обвиняемыхъ, которые могутъ опасаться, чтобы, защищаясь публично, не прійти въ смущеніе или замѣшательство, имъ дозволяется имѣть защитниковъ изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ». Но въ послѣдствіи законъ отказался и отъ этой условной гласности. Въ своемъ представленіи въ Государственный Совѣтъ отъ 31 марта 1881 года Министръ Юстиціи указывалъ, что правомъ гласности «пользуются не лица, желающія гласнымъ оправданіемъ предотвратить всѣ могущія падать на нихъ нареканія по поводу несправедливо возбужденнаго обвиненія, а, напротивъ, лица, которыя, сознавая шаткость своего положенія и не имѣя никакого исхода, стремятся набросить тѣнь на другихъ, или же просто своимъ поведеніемъ на судѣ поѣставить въ непріятное положеніе судей, рѣшившихся предать ихъ къ отвѣтственности. Между тѣмъ, гласность—полагалъ г. Министръ Юстиціи—вовсе не составляетъ необходимое условіе дисциплинарнаго суда. Примѣненіе его ограничивается лишь тѣми нарушеніями, по которымъ не признано нужнымъ прибѣгать къ уголовному преслѣдованію, и вообще судъ этотъ установленъ лишь для поддержанія дисциплины и внутренняго порядка въ средѣ чиновъ извѣстнаго вѣдомства, а потому не представляется вовсе надобности въ разглашеніи его процедуры. Для обезпеченія правъ тѣхъ лицъ, которыя, будучи неправильно привлечены къ отвѣтственности, желаютъ полнаго возстановленія своей чести, достаточно было бы, взамѣнъ приведеннаго правила ст. 281, постановить, примѣнительно къ ст. 975 Уст. Угол. Суд., что оправданный рѣшеніемъ суда можетъ требовать опубликованія сего рѣшенія въ Сенатскихъ и въ губернскихъ вѣдомостяхъ по мѣсту его службы».

Новая редакція ст. 281 (20 мая 1885 года) не содержитъ послѣдняго дополненія, но она всецѣло восприняла основную идею представленія г. Министра Юстиціи, безусловно отказавшись отъ гласности: «дѣла дисциплинарныя», гласить нынѣ ст. 281, «слушаются при закрытыхъ дверяхъ».

Если въ конструкціи гласнаго дисциплинарнаго производства по дѣламъ чиновъ судебнаго вѣдомства можетъ такимъ образомъ быть намѣченъ рѣзкій переходъ отъ гласности къ закрытымъ дверямъ, то нельзя не отмѣтить, что и въ сословной дисципли-

нарной практикѣ здѣсь наблюдаются колебанія и противорѣчія. Въ 1877 году Московскій Совѣтъ, примѣнительно къ старой редакціи ст. 281, постановилъ, что въ случаѣ просьбъ присяжныхъ повѣренныхъ или помощниковъ, о которыхъ производятся дѣла, могутъ быть допущены въ засѣданіе другіе присяжные повѣренные и ихъ помощники. Но въ проектѣ наказа содержится уже правило, почти совершенно усгняющее гласность: согласно § 27 правилъ, «засѣданія Совѣта закрыты для всѣхъ неучаствующихъ въ дѣлахъ лицъ, стороны же могутъ присутствовать лишь при докладѣ дисциплинарныхъ дѣлъ, допросѣ допущенныхъ по ихъ дѣламъ свидѣтелей и при объясненіяхъ. Присяжные повѣренные по дисциплинарнымъ дѣламъ ихъ помощниковъ считаются стороной и могутъ присутствовать по этимъ дѣламъ въ засѣданіи Совѣта. Родственники жалобщиковъ могутъ быть допущены въ засѣданіе Совѣта Предсѣдательствующимъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда жалобщики по состоянію своего здоровья не могутъ обходиться въ засѣданіи безъ ихъ помощи».

Правила Саратовскаго Совѣта устанавливаютъ принципъ закрытыхъ дверей еще въ болѣе категорической формѣ: «Засѣданія Совѣта всегда закрытыя, при чемъ къ объясненіямъ допускаются жалобщикъ, или его повѣренный и лицо, на которое жалоба принесена».

17 января 1893 года вопросъ о гласности былъ предметомъ оживленнаго обсужденія на общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ Петроградскаго округа. Лишь очень незначительное число говорившихъ, находившихъ, что при отсутствіи гласности корпоративная жизнь напоминаетъ застѣнокъ, отстаивали мысль объ обязательной и безусловной гласности засѣданій по дисциплинарнымъ дѣламъ. Значительное большинство допускали гласность лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Такъ, указывалось, что она возможна лишь въ дѣлахъ, по коимъ обѣ стороны—присяжные повѣренные, лишь при согласіи сторонъ или согласіи обвиняемаго. Аргументомъ противъ гласности, исходившимъ отъ Совѣта, служило лишь указаніе на то, что существуетъ рядъ дѣлъ, гдѣ свидѣтели при постороннихъ слушателяхъ не будутъ давать указаній. Но этотъ аргументъ встрѣтился съ основательнымъ возраженіемъ, что онъ въ одинаковой

мѣръ можетъ быть направленъ противъ всякаго суда, гдѣ гласность тѣмъ не менѣе является общепризнанной. Собраніе склонилось къ мысли о необходимости измѣненія существовавшаго ранѣе порядка и допущенія при извѣстныхъ условіяхъ гласности. Для детальной разработки этихъ условій была выработана особая комиссія. Въ засѣданіи 24 апрѣля 1894 года комиссія нашла, что «г л а с н о е производство дисциплинарныхъ дѣлъ въ Совѣтъ можетъ быть допущено лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда обѣ стороны просятъ о гласномъ разсмотрѣніи дѣла и Совѣтъ признаетъ это возможнымъ». Это рѣшеніе по существу лишь оформило ранѣе существовавшій въ Петроградскомъ округѣ порядокъ. Какъ указывалось на упомянутомъ общемъ собраніи, «не было ни одного случая, когда бы Совѣтъ отказалъ въ просьбѣ слушать дѣло при открытыхъ дверяхъ, когда стороны этого требовали».

Точка зрѣнія, наиболее благопріятствующая гласности, принята Правилами Казанскаго Совѣта: согласно § 9 Правилъ, «засѣданія Совѣта происходятъ при закрытыхъ дверяхъ, но если о б в и н я е м ы й заявитъ ходатайство о разсмотрѣніи дѣла его въ присутствіи товарищей, то Совѣтъ удовлетворяетъ это ходатайство».

Такимъ образомъ, по вопросу о публичности могутъ быть отмѣчены три теченія: московское ¹⁾, устраняющее публичность (за исключеніемъ патрона и родственника при болѣзни жалобщиковъ), петроградское, допускающее публичность по ходатайству обѣихъ сторонъ и при согласіи Совѣта, и, наконецъ, казанское, обязывающее Совѣтъ къ гласному производству, если о томъ заявитъ ходатайство о б в и н я е м ы й. Предѣлы гласности въ смыслѣ состава лицъ, могущихъ быть допущенными въ засѣданіе, всѣми понимаются одинаково: допущены могутъ быть лишь члены словія. Въ комиссіи, избранной общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ Петроградскаго округа, два члена комиссіи находили, что въ засѣданія по дисциплинарнымъ дѣламъ могутъ быть допущены только присяжные повѣренные, а не ихъ помощники. Нельзя въ заключеніе не от-

¹⁾ По проекту Наказа. На практикѣ Московскаго Совѣта были случаи разсмотрѣнія дисциплинарныхъ дѣлъ въ присутствіи членовъ словія.

мѣтитъ, что на практикѣ весьма рѣдки дѣла, по которымъ обѣ стороны заявляютъ ходатайство о публичномъ разбирательствѣ. Такъ, на общемъ собраніи петроградскихъ присяжныхъ повѣренныхъ 17 января 1893 года было отмѣчено во всей предшествовавшей практикѣ Совѣта такихъ случаевъ «всего два—три».

Особо долженъ быть рассмотрѣнъ вопросъ объ оглашеніи постановленій по дисциплинарнымъ дѣламъ. Въ 1868 году Петроградскимъ Совѣтомъ были приняты по этому вопросу къ руководству слѣдующія правила: «1) постановленія Совѣта, которыми оставляются безъ послѣдствій жалобы на присяжныхъ повѣренныхъ или дѣлаются присяжнымъ повѣреннымъ предостереженія или выговоры, читать въ общихъ собраніяхъ присяжныхъ повѣренныхъ, и излагать, безъ означенія именъ, въ годовыхъ отчетахъ, но печатать съ означеніемъ именъ не иначе, какъ по желанію присяжнаго повѣреннаго, отъ котораго постановленіе состоялось; 2) постановленія Совѣта, которыми налагается на присяжнаго повѣреннаго одна изъ строгихъ мѣръ высканія, предусмотрѣнныхъ въ пунк. 3 и 4 ст. 368 Учр. Суд. Уст., печатать съ означеніемъ именъ немедленно по вступленіи ихъ въ окончательную силу, и 3) если подобныя постановленія будутъ отмѣнены Судебной Палатой, излагать лишь содержаніе ихъ, безъ означенія именъ, въ годовомъ отчетѣ Совѣта (Журн. 19 октября 1868 г.)».

Позднѣе, однако, въ средѣ сословія и самого Совѣта возникли сомнѣнія въ цѣлесообразности этого порядка, въ особенности печатанія постановленій о временномъ запретѣ практики. На общемъ собраніи 20 октября 1874 года послѣдняя мѣра подвергалась энергичной критикѣ ¹⁾. Меньшинство членовъ Совѣта и лица, раздѣлявшія ихъ мнѣнія, полагали, что постановленія Совѣта, состоявшіяся на основаніи 3 п. 368 ст. Учр. Суд. Уст., не должны быть публикуемы. На поставленный затѣмъ вопросъ: слѣдуетъ ли публиковать постановленія Совѣта о тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые подвергнутся временному запрещенію практики, съ указаніемъ именъ лицъ, подвергшихся запрещенію, общее собраніе значительнымъ большинствомъ голосовъ отвѣтило отрицательно (проток. общ. собр. 20 октября

¹⁾ Макалинскій, стр. 298—299.

1874 г.). Впослѣдствіи по дѣлу помощника присяжнаго повѣреннаго Т., который судился въ качествѣ частнаго повѣреннаго, и Правит. Сенатъ призналъ, что публикація въ вѣдомостяхъ о воспрещеніи отправлять обязанности повѣреннаго влечетъ за собою значительный ущербъ для лица, занимающагося ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ, и что подобная мѣра взысканія не установлена закономъ (ст. 14 Высочайше утв. 25 мая 1874 г. правилъ о лицахъ, имѣющихъ право быть повѣренными по судебнымъ дѣламъ. О. С. 1879 г. № 4).

Въ «Правилахъ» Казанскаго Совѣта мы находимъ слѣдующее положеніе, опредѣляющее порядокъ публикованія постановленій по дисциплинарнымъ дѣламъ. «Постановленія Совѣта объ исключеніи присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ изъ сословія сообщаются Казанской Судебной Палатѣ и Совѣтамъ другихъ округовъ. Постановленія о временномъ воспрещеніи отправленія обязанности повѣреннаго сообщаются той же Палатѣ и Окружному Суду по мѣсту жительства обвиняемаго. Всѣ остальные постановленія Совѣта оглашенію внѣ указаннаго закономъ порядка не подлежатъ» (§ 23).

Въ настоящее время даже имена исключенныхъ изъ сословія не называются въ отчетахъ Совѣта. Поэтому необходимо особое ходатайство передъ Совѣтомъ, чтобы справка объ исключеніи была дана.

II.

Стороны.

1. Я в к а с т о р о н ъ. По истеченіи срока, обычно двухнедѣльнаго, назначеннаго для представленія объясненій, предсѣдателемъ Совѣта возникшія дѣла назначаются къ слушанію. О днѣ слушанія во всякомъ случаѣ извѣщаются обвиняемый и жалобщикъ. З а к о н ъ обязательной явки обвиняемаго не знаетъ; согласно ст. 372 Учр. Суд. Уст. «въ случаѣ непредставленія объясненія или неявки обвиняемаго въ назначенный срокъ, безъ уважительныхъ причинъ, Совѣтъ дѣлаетъ постановленіе на основаніи имѣющихся у него свѣдѣній и извѣстныхъ ему обстоятельствъ». По закону, слѣдовательно, единственнымъ послѣдствіемъ неявки является устраненіе изъ

обсужденія того матеріала, который обвиняемый могъ бы представить при личномъ объясненіи. Но ст. 372 имѣетъ, очевидно, въ виду обычный порядокъ приглашенія обвиняемаго повѣсткой, извѣщающей о днѣ засѣданія. Возможны, однако, другіе случаи, когда ознакомившись съ обстоятельствами дѣла Совѣтъ признаетъ необходимой личную явку обвиняемаго. Въ этихъ случаяхъ неявка не только можетъ быть неблагопріятно истолкована для разсматриваемаго дѣла, но и послужить самостоятельнымъ основаніемъ для наложенія дисциплинарнаго взысканія. Такъ согласно § 12 Правиль Казанскаго Совѣта «уклоненіе обвиняемаго отъ объясненія по спеціальному требованію Совѣта даетъ Совѣту право истолковать молчаніе противъ обвиняемаго и привлечь послѣдняго къ отвѣтственности за неисполненіе сего требованія». Очевидно, что такая отвѣтственность возможна и за неисполненіе «спеціальнаго требованія» о явкѣ. Правила Саратовскаго Совѣта прямо содержатъ такое положеніе: если при неявкѣ Совѣтъ при разсмотрѣніи жалобы находитъ обстоятельства, требующія выясненія, то дѣлаетъ постановленіе о личной явкѣ. При вторичной неявкѣ Совѣтъ разрѣшаетъ жалобу по даннымъ, въ ней изложеннымъ, а противъ присяжнаго повѣреннаго или помощника, не явившагося въ засѣданіе безъ уважительныхъ причинъ, возбуждается дисциплинарное производство за неисполненіе требованія Совѣта ¹⁾.

Только въ томъ случаѣ, когда явка для личныхъ объясненій пріобрѣтаетъ, по постановленію Совѣта, самостоятельное значеніе, дѣло откладывается, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, какъ это слѣдуетъ изъ текста ст. 271 («Совѣтъ дѣлаетъ постановленіе на основаніи имѣющихся у него свѣдѣній»), и по установившейся практикѣ неявка обвиняемаго препятствіемъ къ слушанію дѣла служить не можетъ. Съ другой стороны, конечно, и неявка жалобщика не можетъ пріостановить теченіе дѣла.

2. Допущеніе повѣренныхъ. Элементъ состязательности, присущій уголовному процессу въ меньшей мѣрѣ чѣмъ гражданскому, еще въ меньшей степени отличаетъ процессъ дисциплинарный: здѣсь сами члены Совѣта, въ каче-

¹⁾ Историческій очеркъ, стр. 12.

ствѣ судей и товарищей, должны проявить всю инициативу и активность, вызываемая обстоятельствами дѣла. При такихъ условіяхъ, когда сами судьи принимаютъ дѣятельное участіе въ раскрытіи истины, повѣренные въ дисциплинарномъ судѣ по общему правилу не допускаются. Въ отношеніи стороны жалующейся мы находимъ постановленіе въ проектѣ Наказа Московскаго Совѣта. «Повѣренные жалобщиковъ (кромѣ лицъ юридическихъ), уполномочиваемые послѣдними для веденія дисциплинарныхъ дѣлъ, не допускаются, но въ исключительныхъ случаяхъ, когда самъ жалобщикъ не можетъ явиться по причинамъ, признаннымъ Совѣтомъ уважительными, онъ можетъ замѣнить себя кѣмъ-либо изъ своихъ близкихъ родственниковъ и въ крайнемъ случаѣ изъ постороннихъ, снабдивъ его необходимымъ на то полномочіемъ, но не иначе какъ по обсужденіи вопроса о допущеніи повѣреннаго въ засѣданіе Совѣта и согласно его постановленію. Полномочія представителямъ отъ лицъ юридическихъ должны быть даны специально по каждому отдѣльному дисциплинарному дѣлу и надлежаще засвидѣтельствованы нотариусомъ».

О недопущеніи повѣренныхъ обвиняемаго категорически высказываются Правила Казанскаго Совѣта: «однѣ слушанія дѣла извѣщается обвиняемый, который имѣетъ право представить объясненія лично.» Присылка повѣренныхъ не допускается» (§ 10).

3. Отводъ судей. Согласно ст. 280 Учр. Суд. Уст. «въ дѣлахъ дисциплинарныхъ устраненіе судей допускается на общемъ основаніи», «дабы, какъ поясняетъ Объяснительная записка, оградить обвиняемаго отъ всякаго пристрастія». Рѣшеніемъ Сената (О. С. 1868 г. № 201) это правило распространено и на присяжныхъ повѣренныхъ съ тѣмъ, чтобы отводъ въ этихъ случаяхъ совершался по основаніямъ, предусматриваемымъ ст. 600 Уст. Угол. Суд., и чтобы къ этимъ основаніямъ не была отнесена тяжба между обвиняемымъ и судьями, дѣйствующими въ качествѣ повѣренныхъ. Проектъ Наказа Московскаго Совѣта вводитъ еще одно дополненіе: «члены Совѣта не входятъ въ его составъ при разрѣшеніи дисциплинарныхъ дѣлъ, касающихся ихъ помощниковъ» (§ 32). Какъ указываетъ тотъ же проектъ, членъ Совѣта, отведенный или устранившій себя отъ

участія въ разрѣшеніи какого-либо дѣла, не присутствуетъ въ засѣданіи Совѣта, пока продолжается слушаніе этого дѣла.

Въ практикѣ Совѣтовъ могутъ быть отмѣчены случаи отвода въ связи съ выступленіемъ члена Совѣта одновременно и въ качествѣ свидѣтеля по разсматриваемому дисциплинарному дѣлу (п. 2 ст. 600). 4 октября 1910 г. общее собраніе Департаментовъ Харьковской Судебной Палаты нашло участіе присяжнаго повѣреннаго по дѣлу, въ качествѣ члена Совѣта, и допрошеннаго, какъ свидѣтеля, неправильнымъ: «дисциплинарное производство не исключаетъ тѣхъ общихъ правилъ и принциповъ, кои установлены для судопроизводства уголовного, и Правительствующій Сенатъ, по данному вопросу, разъяснилъ, въ рѣшеніи Общаго Собранія за 1868 годъ № 201, что причины къ отводу членовъ Совѣта должны быть заявляемы по Уст. Угол. Суд. Въ статьѣ же 600-й Уст. Угол. Суд. причиною къ отводу судьи служить, между прочимъ, и участіе его въ дѣлѣ въ качествѣ свидѣтеля, а согласно 606 ст. того же Устава, судья, которому извѣстны причины къ его отводу, обязанъ самъ объявить о томъ, не выжидая предьявленія отвода отъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ».

Отводъ не всегда имѣетъ послѣдствіемъ отсрочку засѣданія по дѣлу. По проекту Московскаго Наказа, если отводъ признанъ Совѣтомъ уважительнымъ, «дѣло передается кому-либо изъ наличнаго состава Совѣта, изъявившему согласіе доложить дѣло въ томъ же засѣданіи, или же откладывается слушаніемъ, затѣмъ назначается новый докладчикъ» (§ 32).

Вопросъ объ уважительности заявленнаго отвода рѣшается Совѣтомъ передъ разсмотрѣніемъ дѣла, по заявленію отвода. Правила Казанскаго Совѣта отмѣчаютъ, что обвиняемый долженъ заявить отводъ «въ срокъ, назначенный ему для представленія объясненій, и во всякомъ случаѣ не позднѣе дня слушанія дѣла» (§ 5).

III.

Допросъ свидѣтелей.

Дисциплинарное разслѣдованіе можетъ потребовать допроса свидѣтелей для установленія или провѣрки обстоятельствъ

дѣла. Въ законѣ и по этому вопросу нѣтъ указаній. Но полу-
вѣковая дисциплинарная практика выработала нѣкоторыя общія
правила. Къ допросу могутъ быть допущены всѣ свидѣтели,
хотя бы и отводимые стороной, за исключеніемъ лицъ, которыя
безусловно устраняются отъ свидѣтельства на основаніи ст. 93
Уст. Угол. Суд. Вопросъ о допущеніи свидѣтеля разрѣшается
Совѣтомъ, который въ данномъ случаѣ не связанъ ходатайствомъ
сторонъ. § 14 Казанскихъ Правиль такъ и гласитъ: «если С о-
вѣ т ъ найдетъ нужнымъ допросить свидѣтелей и т. д.»; ана-
логично § 39 проекта Московскаго Наказа говорить: «Если С о-
вѣ т ъ присяжныхъ повѣренныхъ признаетъ нужнымъ допро-
сить свидѣтелей или ознакомиться съ какимъ-либо производ-
ствомъ по дѣлу въ правительственномъ или общественномъ
учрежденіи или назначить въ той или иной формѣ провѣрку
доказательствъ, то можетъ поручить эти дѣйствія одному изъ
своихъ членовъ, а внѣ Москвы и кому-либо изъ присяжныхъ
повѣренныхъ, не состоящихъ въ составѣ Совѣта». Свидѣтели
мѣстные, какъ члены сословія, такъ и внѣ его стоящіе, вызы-
ваются для дачи показаній въ засѣданіе Совѣта. У послѣдняго
нѣтъ средствъ понудить частныхъ лицъ являться для свидѣтель-
ства въ засѣданіе Совѣта; но обычно эти лица отъ явки не укло-
няются. Допросъ свидѣтелей можетъ быть произведенъ и на
дому. Такъ постановленіе Московскаго Совѣта отъ 21 апрѣля
1909 года гласитъ: «поручить членамъ Совѣта (тремъ членамъ)
произвести допросъ въ качествѣ свидѣтельницы г-жи З. въ ея
квартирѣ, назначивъ для допроса часъ дня 25 апрѣля». Допросъ
внѣ засѣданія по общему правилу производится черезъ членовъ
Совѣта. Въ особыхъ случаяхъ, какъ это, напр., предусмот-
рѣно Правилами Саратовскаго Совѣта, «за счетъ Совѣта коман-
дируются члены Совѣта» для производства допроса. Правила
Казанскаго Совѣта предусматриваютъ допросъ лицъ, живущихъ
внѣ Казани, и письменно (§ 14). Въ тѣхъ случаяхъ, когда сви-
дѣтель живетъ не въ томъ городѣ, гдѣ помѣщается Совѣтъ, до-
просъ свидѣтелей можетъ быть Совѣтомъ порученъ присяж-
ному повѣренному, не входящему въ составъ Совѣта ¹⁾.

П о р я д о к ъ допроса свидѣтелей предусмотрѣнъ лишь

¹⁾ § 14 Казанскихъ Правиль, § 39 Московскаго Наказа.

въ Наказѣ Московскаго Совѣта: вопросы первоначально предлагаются предсѣдательствующимъ или, съ его согласія, докладчикомъ по дѣлу, затѣмъ другими членами Совѣта, съ согласія предсѣдательствующаго, а затѣмъ сторонами, при чемъ сперва задаетъ вопросы тотъ, по чьей просьбѣ свидѣтель допущенъ, а если таковой вызывается не по ссылкѣ сторонъ, то жалобщикъ (§ 40).

IV.

Резолюція.

1. Г о л о с о в а н і е р е з о л ю ц і и. Согласно ст. 375 Учр. Суд. Уст. «никакое постановление Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ не можетъ имѣть силы, когда въ немъ участвовало менѣе половины членовъ Совѣта». Слѣдовательно, и постановления по дисциплинарнымъ дѣламъ, излагаемая въ формѣ резолюцій, законны лишь при этомъ условіи. При равенствѣ голосовъ перевѣсъ получаетъ мнѣніе, за которое голосуетъ предсѣдатель. Исключеніе составляютъ резолюціи, налагающія взысканія, предусмотрѣнныя пп. 3—5 ст. 368 (запрещеніе практики, исключеніе изъ сословія, п р е д а н і е у г о л о в н о м у с у д у), для которыхъ по закону необходимо квалифицированное большинство— $\frac{2}{3}$. Согласно разъясненія общаго собранія 1877 г. № 36 здѣсь имѣется въ виду двѣ трети присутствующихъ членовъ, а не общаго числа. Если при голосованіи взысканій, предусмотрѣнныхъ пп. 3—5, голоса раздробятся такъ, что ни одно изъ этихъ взысканій не получитъ требуемаго квалифицированного большинства, принятымъ считается предложеніе объ относительно болѣе легкомъ взысканіи, такъ какъ члены Совѣта, признававшіе необходимымъ прибѣгнуть къ мѣрѣ болѣе суровой, «могутъ и должны, за невозможностью ея осуществленія, считаться согласными и съ менѣе строгой мѣрой». Эта практика, принятая Петроградскимъ Совѣтомъ, въ наказѣ не предусматривается. Впрочемъ и въ Петроградскомъ Совѣтѣ бывали случаи уклоненія отъ этого порядка.

По проекту Московскаго Наказа «при назначеніи дисциплинарнаго взысканія въ видѣ запрещенія отправлять обязанности повѣреннаго, только родъ наказанія опредѣляется большинствомъ

двух третей голосовъ, присутствующихъ въ засѣданіи, срокъ же, на который назначается запрещеніе отправлять обязанности повѣреннаго, опредѣляется простымъ большинствомъ голосовъ» (§ 36).

2. М о т и в и р о в к а р е з о л ю ц і и. Если главный интересъ обвиняемаго въ дисциплинарномъ проступкѣ сосредоточивается на самомъ рѣшеніи Совѣта, то сословіе въ цѣломъ непосредственно заинтересовано въ м о т и в и р о в к ѣ рѣшенія. Мотивы знакомятъ широкіе сословные круги съ воззрѣніями «избранныхъ» на явленія нежелательныя, нетерпимыя и недопустимыя въ сословной жизни. При отсутствіи какихъ бы то ни было правилъ сословнаго поведенія, эти мотивированныя опредѣленія образуютъ въ полномъ смыслѣ нравственный кодексъ сословія. Въ нихъ зрѣютъ и крѣпнутъ сословныя традиции, сословная преемственность и сословное единство. Естественно, что Совѣты къ составленію мотивовъ рѣшенія относятся не менѣе бережно, чѣмъ къ самому рѣшенію. Въ наказахъ поэтому по данному вопросу встрѣчаются довольно детальныя указанія. «Мотивированное опредѣленіе», говоритъ § 42 Московскаго Наказа, «должно быть изготовлено членомъ докладчикомъ или тѣмъ, кому изготовленіе сего опредѣленія поручено Совѣтомъ, и сдано въ канцелярію Совѣта для переписки въ двухнедѣльный, со дня состоявшагося по дѣлу постановленія, срокъ, при чемъ о времени поступленія означеннаго опредѣленія въ канцелярію Совѣта дѣлается отмѣтка въ заведенной для того книгѣ самимъ представившимъ опредѣленіе».

Наказъ обращаетъ вниманіе и на с р о к ъ составленія.

Нѣкоторая медлительность въ составленіи мотивированной резолюціи, вызывающая необходимость въ мѣрахъ къ ускоренію этой работы, является, очевидно, общимъ явленіемъ; ибо въ Наказѣ Казанскаго Совѣта мы тоже находимъ «санкцію» за несвоевременное изготовленіе резолюціи: «постановленія Совѣта излагаются въ ф о р м ѣ р е з о л ю ц і и и изготовляются въ окончательной формѣ докладчикомъ въ срокъ, назначенный Совѣтомъ» (§ 15) и «въ случаѣ неизготовленія докладчикомъ рѣшенія въ установленный срокъ, Предсѣдатель изготовляетъ его самъ или поручаетъ изготовленіе его другому члену, доводя о семъ до свѣдѣнія Совѣта» (§ 16). Согласно опредѣленія Совѣ-

диненнаго Присутствія 24 апрѣля 1897 г., рѣшенія Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ по дисциплинарнымъ дѣламъ должны быть изготовляемы въ сроки, установленные ст. 793 Уст. Угол. Суд.

Та общесловная цѣнность, которая заключается въ м о т и в а х ъ, заставляетъ съ полнымъ вниманіемъ относиться къ редакціи резолюціи и открываетъ возможность разногласій при единодушіи въ принятомъ рѣшеніи. Въ Правилахъ Казанскаго Совѣта поэтому предусмотрѣнъ порядокъ разрѣшенія подобныхъ случаевъ: § 17 при обнаруженіи въ проектѣ постановленія въ окончательной формѣ, составленномъ докладчикомъ, недостатковъ, предсѣдатель устраняетъ ихъ по соглашенію съ докладчикомъ, а при разногласіи вноситъ вопросъ о редакціи постановленія на обсужденіе членовъ, участвовавшихъ въ рѣшеніи дѣла. § 18. Членъ Совѣта, участвовавшій въ рѣшеніи дѣла, о несогласіи своемъ съ редакціей постановленія заявляетъ о семъ въ теченіе одного дня отъ представленія постановленія въ окончательной формѣ къ подписанію предсѣдателя Совѣта, который въ семъ случаѣ поступаетъ согласно правила, установленнаго въ предшедшемъ параграфѣ.

3. О б ъ я в л е н і е р е з о л ю ц і и. Въ Учрежд. Суд. Уст. мы встрѣчаемъ лишь одну норму (ст. 376), въ которой косвенно упоминается объ объявленіи постановленій Совѣта. Самый порядокъ объявленія остается въ законѣ непредусмотрѣннымъ. Дисциплинарная практика по этому вопросу сложилась неоднородно.

Слѣдуетъ различить д в а порядка объявленія дисциплинарныхъ приговоровъ: первый касается постановленій, вынесенныхъ С о в ѣ т о м ъ, второй—опредѣленій Палаты (пп. 3—5 ст. 368). Постановленія Совѣта по общему правилу объявляются сообщеніемъ непосредственно путемъ вызова въ Совѣтъ, или путемъ врученія присяжному повѣренному копій мотивированнаго опредѣленія. Моментъ оглашенія постановленія или полученія копій и является моментомъ объявленія постановленія, въ частности начальнымъ моментомъ двухнедѣльнаго срока для обжалованія. Но весьма существенныя различія возникаютъ по вопросу, в с ѣ ли постановленія Совѣта должны въ указанномъ порядкѣ сообщаться понесшему взысканіе?

По этому вопросу могут быть отмѣчены два теченія.

Проектъ Московскаго Наказа, примѣнительно къ ст. 376, говорящей объ объявленіи въ связи съ жалобами по пп. 3—5 ст. 368, устанавливаетъ, что лишь по дѣламъ, «гдѣ назначено взысканіе по пп. 3—5 ст. 368, копии опредѣленій сообщаются также и членамъ сословія, коимъ означенныя взысканія опредѣлены» (§ 44). Отсюда непосредственно вытекаетъ, что постановленія о предостереженіи и выговорѣ въ окончательной (мотивированной) формѣ не сообщаются присяжному повѣренному, понесшему эту кару.

Иного порядка придерживается Петроградскій Совѣтъ. Считаясь съ тѣмъ, что независимо отъ жалобъ по существу возможны жалобы на нарушеніе формъ и предѣловъ дисциплинарнаго производства, Петроградскій Совѣтъ установилъ слѣдующія правила объявленія постановленій: «1) при изготовленіи по состоявшимся резолюціямъ журнальных постановленій, подвергающихъ дисциплинарнымъ взысканіямъ присяжныхъ повѣренныхъ, указывается число, къ которому должны быть вызваны, для прочтенія постановленія, присяжный повѣренный или помощникъ присяжнаго повѣреннаго со своимъ патрономъ, и для расписки на этомъ же опредѣленіи о томъ, что оно имъ объявлено; 2) въ повѣсткахъ, вызывающихъ ихъ для прочтенія постановленія, предварять вызываемыхъ, что постановленіе будетъ считаться объявленнымъ, даже если бы они не явились въ Совѣтъ, съ того именно дня, и съ этого же дня будетъ исчисляемъ срокъ на подачу жалобы на постановленіе въ Судебную Палату»¹⁾.

Такимъ образомъ по практикѣ Петроградскаго Совѣта всѣ постановленія Совѣта, независимо отъ опредѣляемаго ими взысканія, объявляются приговоренному въ мотивированной формѣ. Нельзя не отмѣтить, что порядокъ, принятый Петроградскимъ Совѣтомъ, выдержаннѣе и послѣдовательнѣе. Цѣль мотивированнаго опредѣленія отнюдь не въ томъ только, чтобы освѣтить вопросъ въ предвѣдѣніи возможнаго обжалованія опредѣленія: иначе и мотивы должны были приводиться лишь при опредѣленіяхъ, допускающихъ обжалованіе (пп. 3—5 ст. 386). Если же моментъ жалобы не имѣетъ рѣшающаго значенія, то кажется

¹⁾ Журн. 17 ноября 1884 г. (Макалинскій).

непоследовательнымъ установленіе двойного—именно въ зависимости отъ возможности обжалованія—порядка: объявленія (посылка копій) мотивированнаго опредѣленія, если оно назначаетъ взысканія, предусмотрѣнныя пп. 3—5, и необъявленія въ другихъ случаяхъ. Всякій приговоръ долженъ быть объявленъ обвиненному въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выносится судомъ. Не только нѣтъ основанія при дисциплинарномъ сословномъ судѣ отступать отъ этого порядка, а напротивъ есть полная необходимость соблюдать его въ полной мѣрѣ, ибо «наставительный» характеръ сословнаго суда нераздѣльно связанъ съ объявленіемъ не только о наложенномъ взысканіи, но и о его мотивахъ.

Согласно рѣшенію Общаго Собранія 1886 г. за № 7 опредѣленія Палаты по дисциплинарнымъ дѣламъ являются окончательными и кассационному обжалованію не подлежатъ. Поэтому они объявляются присутствующему тутъ же, отсутствующему черезъ Совѣтъ.

§ 4. Система дисциплинарныхъ взысканій.

І. Санкціи, восполняющія ст. 368.

Скалы дисциплинарныхъ взысканій,—быть можетъ, единственный моментъ дисциплинарнаго производства, точно предусмотрѣнный въ законѣ. Ст. 368 Учр. Суд. Уст. устанавливаетъ слѣдующіе четыре вида дисциплинарныхъ взысканій: 1) предостереженіе, 2) выговоръ, 3) запрещеніе отправлять обязанности повѣреннаго въ продолженіе опредѣленнаго Совѣтомъ срока, впрочемъ не долѣе одного года, 4) исключеніе изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ и 5) преданіе уголовному суду въ случаяхъ особенно важныхъ.

Но установивъ эти санкціи, законъ въ части диспозитивной лишь въ самыхъ общихъ чертахъ говоритъ о нарушеніи присяжными повѣренными «принятыхъ ими на себя обязанностей». Лишь въ одномъ случаѣ законъ ограничиваетъ судъ Совѣта: «присяжный повѣренный, подвергшійся два раза запрещенію отправлять временно обязанности повѣреннаго въ случаѣ новой вины, которую Совѣтъ признаетъ заслуживающей такого

же взысканія, исключается Совѣтомъ изъ числа повѣренныхъ» (ст. 369). Такимъ образомъ, опредѣленіе относительной важности сословнаго нарушенія въ предѣлахъ, колеблющихся отъ предостереженія до исключенія, закономъ ввѣрено Совѣту. Какъ полувѣковая дисциплинарная практика разрѣшаетъ этотъ вопросъ?

Прежде всего необходимо отмѣтить, что Совѣты въ стремленіи къ полному соотвѣтствію между дисциплинарнымъ нарушеніемъ и реакціей порой выходятъ за предѣлы системы ст. 368, пользуясь и другими формулами дисциплинарныхъ оцѣнокъ. Это оказалось возможнымъ въ отношеніи дѣлъ, по которымъ дисциплинарныя взысканія, перечисленные въ ст. 368, не налагаются. Такъ какъ это было разъяснено на общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ Петроградскаго округа 23 апрѣля 1903 года, Петроградскій Совѣтъ дѣлаетъ различіе между формулами «жалобу оставить безъ послѣдствій» и «дисциплинарному взысканію не подвергать», полагая, что послѣдняя формула примѣнима въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ «нѣкоторая шероховатость въ дѣйствіяхъ замѣчается», но гдѣ все же нѣтъ основаній для наложенія дисциплинарнаго взысканія. Значительной распространенностью пользуется и другая формула, выработанная дисциплинарной практикой и непосредственно примыкающая къ первому взысканію, устанавливаемому ст. 368—предостереженію. Это—формула «поставить на видъ или разъяснить неправильность дѣйствій». Въ нѣкоторыхъ отчетахъ ¹⁾ Совѣтовъ рубрика «дѣла, по коимъ постановлено поставить на видъ неправильность дѣйствій» охватываетъ значительную долю дисциплинарныхъ дѣлъ. Въ 1873 году одинъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ Петроградскаго округа принесъ жалобу въ Палату на подобное постановленіе. Въ отвѣтъ на эту жалобу Совѣтъ привелъ въ пользу принятаго имъ порядка соображенія, которыя освѣщаютъ общій взглядъ Совѣта на существо дисциплинарныхъ взысканій:

По смыслу 356, 357, 368 и 376 ст. Учр. Суд. Уст. и соображеній, на которыхъ онѣ основаны, Совѣтъ присяжныхъ повѣ-

¹⁾ Напр. Одесскій отчетъ 1904, Харьковскій 1901—1902, Петроградскій 1904—1905, Московскій 1909—1910 гг.

ренныхъ, учрежденный для наблюденія и надзора за состоящими въ судебномъ округѣ повѣренными, въ видахъ поддержанія нравственнаго достоинства этого учрежденія, долженъ имѣть характеръ не судебный, а преимущественно наставительный и по возможности избѣгать рѣзкихъ мѣръ. Поэтому за Совѣтомъ, какъ учрежденіемъ наблюдательнымъ, необходимо должно быть признано право порицать извѣстныя дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ, которыя, не составляя проступка или упущенія, подлежащаго взысканію, могутъ умалять нравственное достоинство учрежденія въ глазахъ публики, и принимать мѣры къ тому, чтобы такія дѣйствія не повторялись на будущее время, не присуждая совершавшихъ ихъ къ какому-либо взысканію. Если бы это право порицанія и предупрежденія не было признано за Совѣтомъ, то онъ бы получилъ именно характеръ чисто судебного учрежденія и лишился бы самага могущественнаго средства для поддержанія достоинства корпораціи, ибо въ такомъ случаѣ его дѣятельность ограничилась бы однимъ опредѣленіемъ взысканій за явно неправильныя дѣйствія и упущенія и потеряла бы то наставительное значеніе, которое законодатель имѣлъ въ виду при его учрежденіи. Такимъ образомъ несомнѣнно, что предложеніе со стороны Совѣта присяжному повѣренному быть болѣе осмотрительнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ есть мѣра предупредительная, а никакъ не взысканіе, и что эта мѣра не можетъ считаться выходящею изъ предѣловъ его власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ нашелъ, что постановленіе его о предложеніи присяжному повѣренному быть на будущее время осмотрительнѣе не подлежитъ, за силою 376 ст. Учр. Суд. Уст., обжалованію, и потому поданную на него жалобу возвратилъ принесшему ее присяжному повѣренному (Журн. 7 ноября 1873 г.) ¹⁾.

Здѣсь Совѣтомъ проводится дѣленіе функцій его, какъ «учрежденія наблюдательнаго» и «дисциплинарнаго суда». Это дѣленіе представляется весьма условнымъ. Подвергаетъ ли Совѣтъ члена сословія запрещенію практики, или лишь ставитъ ему на видъ неправильность дѣйствій, онъ одинаково дѣйствуетъ въ порядкѣ дисциплинарнаго производства: заслушиваетъ стороны, свидѣтелей, голосуетъ. Если въ результатѣ совершенно

¹⁾ Макалинскій, стр. 280.

однороднаго дисциплинарнаго разслѣдованія мнѣніе Совѣта склонится въ пользу болѣе легкой реакціи—поставить на видъ,—то отсюда слѣдуетъ, что съ момента голосованія Совѣтъ изъ дисциплинарнаго суда превратился въ «учрежденіе наблюдательное». Иначе пришлось бы и далѣе допустить, что меньшинство Совѣта, голосовавшее за предостереженіе, дѣйствуетъ въ качествѣ дисциплинарнаго суда, а большинство, принявшее рѣшеніе «поставить на видъ», въ качествѣ «учрежденія наблюдательнаго». Думается поэтому, что аргументаціи въ пользу законности постановленій «поставить на видъ» должны опираться не на различныя функціи Совѣта, не на его двойственную природу, а на сложность предстоящихъ передъ нимъ задачъ, которую учли составители Суд. Уст., предоставивъ Совѣтамъ значительную свободу.

Дѣятельность Совѣта, обязаннаго блюсти чистоту сословнаго быта, неизбежно должна охватывать пеструю массу человѣческихъ поступковъ. Чѣмъ острѣе сословный надзоръ, тѣмъ болѣе широкій кругъ сословныхъ отношеній онъ охватываетъ. Въ элементарномъ смыслѣ Совѣтъ борется съ нарушеніями и принятыми на себя присяжными повѣренными обязанностей. Это—тотъ минимумъ, который сочли необходимымъ оговорить авторы Суд. Устан. и который они связали съ системой взысканій. Но сословный контроль превратился бы въ формальный институтъ, оторванный отъ сословной жизни, если бы онъ имѣлъ въ виду лишь опредѣлившіяся нарушенія. Контроль неизбежно долженъ проникать далѣе, давая оцѣнку дѣйствій и не составляющихъ нарушеній обязанностей, но вообще нежелательныхъ въ сословной жизни. Если для «нарушеній обязанностей» въ собственномъ смыслѣ Совѣтъ могъ и долженъ былъ ограничиться системой взысканій ст. 368, то естественно, для реакціи на массу явленій, не развившихся въ нарушенія, дисциплинарная практика, не уклоняясь, а дополняя ст. 368, должна была выработать новыя формулы. Считаюсь не только съ качествомъ проступковъ, но и съ чуткостью членовъ сословія къ оцѣнкамъ Совѣта, дисциплинарная практика выработала не только широко развивающуюся формулу «поставить на видъ», но смогла провести и различныя нюансы въ самыя постановленія объ освобожденіи отъ дисциплинарной отвѣтственности («оставить безъ послѣдствій», «дисциплинарному взысканію не подвергать»).

II. Взысканія (ст. 368).

Взысканія, опредѣляемыя ст. 368, если исключить особо стоящее преданіе суду, могутъ быть разбиты на двѣ группы: предостереженіе и выговоръ, съ одной стороны, запрещеніе практики и исключеніе изъ сословія—съ другой. Авторы Судебныхъ Уставовъ слѣдующимъ образомъ опредѣляютъ особенности первой группы: «Многіе поступки, не запрещенные закономъ вообще, могутъ считаться болѣе или менѣе предосудительными для званія повѣреннаго, а такъ какъ Совѣтъ повѣренныхъ по непремѣнной обязанности наблюдать, чтобы во всѣхъ дѣйствіяхъ повѣренныхъ отражалась не только законность, но и полная справедливость, долженъ имѣть характеръ не судебный, а преимущественно наставительный, то онъ долженъ избѣгать рѣзкихъ мѣръ, особенно тамъ, гдѣ нерѣдко замѣшанъ не только денежный, но и личный интересъ. Посему представляется весьма полезнымъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда поступокъ кого-либо изъ повѣренныхъ не подлежитъ п р я м о м у о б с у ж д е н і ю, а лишь содержитъ въ себѣ простое упущеніе, безъ вредныхъ послѣдствій для тяжущагося, Совѣтъ имѣлъ право, вмѣсто выговора, дѣлать новое предостереженіе съ разъясненіемъ причинъ онаго».

Такимъ образомъ, по мысли авторовъ Судебныхъ Уставовъ, предостереженія и выговоры являются различными формами п о р и ц а н і я, осужденія, высказываемыми Совѣтомъ отъ имени сословія. Въ проступкахъ менѣе значительныхъ порицаніе выражается косвенно въ формѣ п р е д о с т е р е ж е н і я отъ подобныхъ дѣйствій въ будущемъ, въ проступкахъ болѣе значительныхъ оно носитъ форму «прямого осужденія» выговоромъ.

Въ отличіе отъ этихъ взысканій запрещеніе практики и исключеніе изъ сословія являются мѣрами карательными въ собственномъ смыслѣ, содержащими помимо порицанія (оно присуще всякому взысканію) элементъ непосредственнаго матеріальнаго ущерба.

Въ соотвѣтствіи съ разлочною природою отмѣченныхъ двухъ группъ взысканій долженъ быть отмѣченъ и кругъ проступковъ, заслуживающихъ ту и другую санкцію. Членъ сословія долженъ быть особенно осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Небреж-

ность, легкомысліе, забывчивость для него—понятія значительно болѣе широкія, чѣмъ общеуголовная сѣра. Есть виды неосторожныхъ дѣйствій, которые требуютъ безусловнаго покаранія члена сословія (напр., пропускъ срока). Но съ этими ограниченіями ¹⁾ порицаніе (предостереженіе, выговоръ) должно вызывать проступки, основанные на легкомысліи, небрежности, неосмотрительности. Быть можетъ, перваго наиболее легкаго взысканія—предостереженія—заслуживаетъ тотъ, въ чьихъ дѣйствіяхъ, говоря устами авторовъ Учр. Суд. Уст., проявилось отступленіе отъ «полной справедливости». Упущенія болѣе серьезныя по небрежности или по причиненному ущербу заслуживаютъ выговора. Въ отличіе отъ формъ порицанія, запрещеніе практики и исключеніе изъ сословія должны служить реакціей на проступки, въ которыхъ сказалась злая воля члена сословія, понимаемая такою же шире общеуголовнаго *dolus*. Элементъ недобросовѣстности, злоупотребленія долженъ быть налицо, чтобы въ зависимости отъ тяжести вины вызвать запрещеніе практики или исключеніе изъ сословія.

«Налагаемое Совѣтомъ запрещеніе отправляетъ обязанность повѣреннаго», говорятъ авторы Уставовъ, «должно быть ограничено справедливымъ предѣломъ, не болѣе года, для того чтобы дальнѣйшимъ продолженіемъ такого запрещенія не подвергать повѣреннаго стѣсненію, которое во многихъ случаяхъ можетъ равняться тяжкому наказанію. Но при этомъ за Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ должно быть оставлено право совсѣмъ исключать изъ среды своей лицъ, оказавшихся неблагонадежными, а въ случаяхъ особенно важныхъ противозаконныхъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ въ Уложеніи о Наказаніяхъ, и при повтореніи нарушенія ихъ обязанностей, предавать ихъ суду. Это право есть прямое послѣдствіе главной обязанности Совѣта—надзора за сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ» ²⁾).

Отчетъ Одесскаго Совѣта въ слѣдующихъ чертахъ сопоставляетъ исключеніе изъ сословія и запрещеніе практики: «Исключеніе изъ сословія вызывается полной непригодностью

¹⁾ Могутъ быть, конечно, отдѣльные случаи, когда проступокъ легкомысленный заслуживаетъ кары болѣе, чѣмъ умышленно совершенный.

²⁾ Журналь 61 г. № 45, стр. 7—9 и 62 г. № 65, стр. 340—341 (Учрежд. Суд. Уст., сост. Шрейберомъ, стр. 439).

лица къ ношенію званія; временное запрещеніе—единичнымъ, хотя и серьезнымъ отступленіемъ отъ правилъ профессиональной этики. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ лицу, подвергшемуся карѣ, должна быть оказана посильная моральная и даже матеріальная помощь, дабы не погасла надежда на лучшее будущее, не ожесточилась душа, и не была отрѣзана возможность возврата на путь, соотвѣтствующій достоинству званія» ¹⁾).

III. Предѣлы исключенія и запрета практики. Въ законѣ нѣтъ отчетливыхъ указаній на послѣдствія постановленій объ исключеніи изъ сословія и запретѣ практики. Вслѣдствіе этого возникли разногласія и по первому и по второму вопросу.

Въ первомъ случаѣ сомнѣніе вызываетъ вопросъ: влечетъ ли за собой исключеніе изъ сословія и потерю того права, которое принадлежитъ всякому лицу, независимо отъ ценза,—права выступать защитникомъ по уголовному дѣлу и трижды ходатайствовать по чужимъ гражданскимъ дѣламъ. Въ 1895 году крестьянка Васса Дубова подала кассационную жалобу на приговоръ Нижегородскаго Окружного Суда, въ которой указывала на недопущеніе къ защитѣ, вопреки ея ходатайству, кандидата правъ С., исключеннаго изъ сословія опредѣленіемъ Московской Судебной Палаты. Въ рѣшеніи по этому дѣлу (докладчикомъ былъ сенаторъ Н. С. Таганцевъ, заключеніе давалъ исполнявшій обязанности оберъ-прокурора сенаторъ А. Ѳ. Кони) Сенатъ подробно аргументируетъ правильность недопущенія исключеннаго изъ сословія С. къ защитѣ. «Правосудіе, открывая для защитника всѣ данныя разслѣдованія, предоставляя ему широкое право не только провѣрки собранныхъ данныхъ, но и пополненія таковыхъ, смотритъ на него, какъ на одного изъ своихъ органовъ, какъ на законнаго защитника, а не преступнаго укрывателя подсудимаго. Сообразно сему, допуская защитниками (ст. 44 и 246 Уст. Угол. Суд.), кромѣ присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, и другихъ лицъ, Уст. Уг. Суд., однако, не признаетъ кругъ пригодныхъ для защиты лицъ безпредѣльнымъ, но прямо ограничиваетъ защиту тѣми лицами, «коимъ законъ не воспрещаетъ ходатайства по чужимъ дѣламъ»... При

¹⁾ Отчетъ 1909 г., докладъ Блюменфельда, стр. 31.

этомъ, какъ неоднократно указывалъ Прав. Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ, перечень ограниченій, сдѣланный въ ст. 45 и 246 Уст. Гражд. Суд., не можетъ почитаться безусловно ограничительнымъ, но, по сходству основаній, къ числу лишенныхъ правъ ходатайства и защиты должны быть относимы и другія лица, коихъ порочность признана силой закона и въ установленномъ закономъ порядкѣ. Такъ, въ рѣшеніи 1882 года № 45 (по Общему Собранію) были отнесены къ неимѣющимъ права ходатайства исключенные изъ числа частныхъ повѣренныхъ по распоряженію Министра Юстиціи, а въ рѣшеніи 1884 года № 40 (по Общему Собранію) подтверждено, что такое исключеніе лишаетъ означенныхъ лицъ права быть защитниками и по уголовнымъ дѣламъ. Очевидно, что вполнѣ сходственно долженъ быть разрѣшенъ и вопросъ, возбуждаемый настоящимъ дѣломъ, такъ какъ лицо, подвергнутое высшему для присяжныхъ повѣренныхъ дисциплинарному взысканію—исключенію изъ сословія, съ лишеніемъ права поступать въ это званіе во всемъ государствѣ, несомнѣнно находится вполнѣ въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и лицо, исключенное изъ числа частныхъ повѣренныхъ по распоряженію Министра Юстиціи (Уг. Касс. Деп. 1895 г. № 41).

Съ той же категоричностью Сенатъ высказался за недопущеніе исключенныхъ изъ сословія къ веденію гражданскихъ дѣлъ ¹⁾.

Эта же точка зрѣнія была проведена въ рѣшеніи 30 ноября 1899 года Общаго Собранія. Противъ этого рѣшенія горячо выступило «Право». Авторъ «Обозрѣнія кассационной практики за 1899 годъ» ²⁾ опирался на два соображенія: къ присяжнымъ повѣреннымъ предъявляются особые повышенныя требованія, а для веденія 3 дѣлъ достаточно средняго уровня: «нетерпимый въ сословіи, бывший присяжный повѣренный, очевидно, можетъ быть отличнымъ конторщикомъ и съ честью поддерживать интересы своего хозяина». Во-вторыхъ, ст. 246, по мнѣнію автора названнаго обозрѣнія, имѣетъ исчерпывающее значеніе. Эти соображенія кажутся малоубѣдительными. При рѣшеніи вопроса

¹⁾ «Юридическій Вѣстникъ» 1899, I Юридическое обозрѣніе, стр. 223—225.

²⁾ «Право» 1900 г. № 38.

о томъ, каковы послѣдствія исключенія, надо исходить не изъ тѣхъ повышенныхъ требованій, которыя предъявляются къ члену сословія, а изъ тѣхъ нарушеній, которыя влекутъ за собой эту кару. Какъ было отмѣчено выше, исключеніе изъ сословія является реакціей на злоупотребленіе довѣріемъ, реакціей на дѣйствія, содержащія элементъ недобросовѣстности. Добросовѣстность же—качество безусловно обязательное не только для члена сословія, но и для cadaго ходатайствующаго по дѣламъ. Съ другой стороны, Совѣты сами въ своей аргументаціи—напр., по вопросу о правѣ на кассационное обжалованіе окончательныхъ опредѣленій Палаты—ссылались на то, что исключеніе изъ сословія—есть по существу уголовная кара. Представляется поэтому и формально возможнымъ связывать съ исключеніемъ изъ сословія тѣ послѣдствія, которыя связаны съ порочащимъ судебнымъ приговоромъ.

Въ дѣятельности Совѣтовъ неоднократно затрогивался вопросъ о «предѣлахъ запрещенія практики». Вначалѣ Петроградскій Совѣтъ, основываясь на томъ, что наложеніе дисциплинарныхъ взысканій совершается на основаніи Уставовъ 1864 г., полагалъ, что запрещеніе практики касается только дѣлъ въ учрежденіяхъ, образованныхъ на основаніи этихъ Уставовъ, и что поэтому членъ сословія, подвергшійся запрещенію, имѣетъ право на веденіе дѣлъ въ Коммерческомъ Судѣ, въ 4-мъ Департаментѣ Сената, въ общихъ собраніяхъ кредиторовъ; съ другой стороны, онъ въ правѣ ходатайствовать по судебнымъ дѣламъ въ качествѣ присяжнаго попечителя (Журн. 25 апрѣля 1875 г. и 20 ноября 1876 г.). Позже, однако, Совѣтъ измѣнилъ свой взглядъ и постановилъ сообщать о воспрещеніи веденія дѣлъ Палатѣ, Съѣзду Мировыхъ Судей и Коммерческому Суду, если членъ сословія числился присяжнымъ стряпчимъ.

§ 5. Исполненіе дисциплинарныхъ приговоровъ.

Вопросъ объ исполненіи дисциплинарныхъ приговоровъ вызвалъ на практикѣ значительныя трудности. Полное умолчаніе закона о порядкѣ исполненія, а съ другой стороны вліянія

послѣднихъ лѣтъ, направленныя къ ограниченію компетенціи Совѣтовъ, были главными источниками этихъ трудностей.

Вопросъ объ исполненіи постановленій о п р е д о с т е р е ж е н і и и в ы г о в о р ѣ не вызываетъ сомнѣній. Эти постановленія не подлежатъ обжалованію и такимъ образомъ естественно не выходятъ изъ компетенціи Совѣта, который и приводитъ ихъ въ исполненіе объявленіемъ о состоявшемся приговорѣ прис. повѣр. Сложнѣе вопросы объ исполненіи приговоровъ о временномъ запрещеніи практики и исключеніи изъ сс-ловія: они весьма часто восходятъ до Палаты; именно послѣдняя выноситъ окончательное рѣшеніе; здѣсь такимъ образомъ исполненіе приговора осложняется разграниченіемъ сферъ Совѣта и Палаты, съ одной стороны, и моментовъ вступленія въ законную силу и обращенія къ исполненію—съ другой.

Въ 1874 году Петроградскій Совѣтъ назначилъ присяжному повѣренному срокъ, съ коего должно исчисляться наложенное на него запрещеніе практики. Прис. повѣр. обжаловалъ постановленіе Совѣта въ Судебную Палату, доказывая, что исполненіе приговора должно исчисляться со дня рѣшенія его дѣла Палатой. Жалоба была оставлена безъ послѣдствій ¹⁾. Съ этого момента практика Совѣта получаетъ полную устойчивость. Въ 1906 году, когда вновь возникли сомнѣнія по настоящему вопросу, Петроградскій Совѣтъ въ своемъ журіальномъ постановленіи отъ 31 декабря 1906 г. имѣлъ полное основаніе замѣтить, что такой порядокъ соблюдался въ теченіе около 40 лѣтъ.

Но въ томъ же 1906 г. взгляды Петроградской Палаты претерпѣли значительныя измѣненія. Палата нашла, «что по сему вопросу въ законѣ не содержится никакихъ указаній, а потому мнѣніе Совѣта, ссылающагося исключительно на усвоенную имъ практику, не можетъ считаться твердо обоснованнымъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Палата отступила отъ порядка, усвоеннаго практикой Совѣта въ теченіе сорока лѣтъ, и признала началомъ запрещенія практики не срокъ, установленный Совѣтомъ, а когда жалобщикъ—присяжный повѣренный Х.—не былъ допущенъ къ защитѣ, и, слѣдовательно, взысканіе уже «дѣйствовало». Такимъ образомъ, по мнѣнію Палаты, не взысканіе должно

¹⁾ Макалинскій, стр. 291.

было начать дѣйствовать съ момента обращенія его къ исполненію, а напротивъ, обращеніе къ исполненію должно было исчисляться съ момента, когда то или иное присутственное мѣсто не допустить къ ходатайству присяжнаго повѣреннаго, подвергшагося запрещенію практики, и такимъ путемъ проявить «дѣйствіе» взысканія. Врядъ ли такой порядокъ представлялъ значительныя преимущества. Уже черезъ два года поэтому та же Петроградская Палата должна была признать, что практиковавшійся въ Петроградскомъ Совѣтѣ до 1906 г. порядокъ «представляется вполне цѣлесообразнымъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ наилучшимъ образомъ обеспечиваетъ какъ интересы виновныхъ, такъ и достиженіе возложенныхъ на Совѣтъ задачъ по надзору за подвѣдомственными ему присяжными повѣренными». Но Палата не сдѣлала изъ собственнаго признанія надлежащихъ выводовъ, а напротивъ, высказалась за отступленіе въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ этого непорядка. Ея аргументація сводилась къ слѣдующему: «въ виду того, что означенный порядокъ не установленъ закономъ и что все вообще дисциплинарное производство совершенно лишено формализма, нельзя не признать, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ зависимости отъ его особенностей, допустимы тѣ или иные отступленія, которыя, не колебля упомянутыхъ выше интересовъ и задачъ, позволяютъ избѣгнуть нарушеній жизненной по дѣлу правды. Если присяжный повѣренный добровольно, и не выжидая вызова въ засѣданіе Совѣта, подчинился окончательному постановленію Судебной Палаты о временномъ запрещеніи отправленія судебно-профессіональных обязанностей, то не имѣется никакихъ основаній ни законныхъ, ни общежитетскихъ къ тому, чтобы исчислять ему наличный срокъ, несмотря ни на что, не ранѣе дня объявленія ему Совѣтомъ означеннаго постановленія Судебной Палаты».

Соображеніе о томъ, что «дисциплинарное производство совершенно лишено формализма», врядъ ли можетъ служить аргументомъ противъ единообразнаго порядка исполненія дисциплинарныхъ приговоровъ. Казалось бы, напротивъ, при отсутствіи формальныхъ гарантій гарантія однородности наилучшимъ образомъ обеспечиваетъ интересы обвиняемаго. Индивидуализація же порядкомъ, приня-

тымъ Совѣтомъ, не осложняется, а облегчается, ибо Совѣтъ при назначеніи начального срока запрещенія практики имѣетъ полную возможность учесть особенности каждаго дѣла. Съ другой стороны, на Совѣтъ лежитъ обязанность наблюденія за дѣятельностью членовъ сословія, въ частности, слѣдовательно, и за подчиненіемъ ихъ приговору сословнаго суда. Отсюда, казалось бы, прямая необходимость исполнять приговоръ черезъ Совѣты, ибо послѣдніе врядъ ли могутъ установить, съ какого момента прис. повѣр. «добровольно» пріостановилъ свою практику.

Годы 1909—1912 являются періодомъ, когда вопросъ объ исполненіи приговоровъ пріобрѣтаетъ актуальное значеніе для многихъ Совѣтовъ. Возникаютъ по поводу частныхъ случаевъ разногласія между Совѣтомъ и Палатой (Одесской, Харьковской, Московской) и они служатъ основаніемъ для тщательной провѣрки всей предшествовавшей сорокалѣтней практики, для новаго анализа относящихся къ вопросу узаконеній, для новыхъ правилъ исполненія приговоровъ.

Въ 1909 г. вопросъ объ исполненіи дисциплинарныхъ приговоровъ привлекъ вниманіе Одесскаго Совѣта. Въ составленномъ прис. повѣр. Г. Ф. Блюменфельдомъ докладѣ ¹⁾ вопросъ этотъ былъ подвергнутъ всестороннему анализу. Тезисы доклада были приняты Одесскимъ Совѣтомъ 7 ноября 1909 г. и выразились въ слѣдующемъ журнальномъ постановленіи 7 ноября 1909 г.

- 1) Въ случаѣ исключенія изъ сословія, таковое постановленіе приводится въ исполненіе немедленно, по истеченіи срока на обжалованіе постановленія Совѣта или въ день объявленія чрезъ Совѣтъ опредѣленія Судебной Палаты по этому предмету.
- 2) Въ случаѣ временнаго запрещенія практики, Совѣтъ, по вступленіи его постановленія за необжалованіемъ въ законную силу или при объявленіи опредѣленія Судебной Палаты по этому предмету, назначаетъ срокъ не свыше, однако, мѣсяца, съ котораго начинается отбытіе этого дисциплинарнаго взысканія.
- 3) Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ пп. 1 и 2 настоящихъ правилъ, повѣренный въ правѣ подать заявленіе о томъ, что онъ добровольно подчиняется постановленію Совѣта до вступленія

¹⁾ Одескій отчетъ за 1909 г., стр. 21—32.

его въ законную силу, или опредѣленію Судебной Палаты до объявленія чрезъ Совѣтъ—и въ этихъ случаяхъ срокъ отбытія исчисляется со дня поступленія въ Совѣтъ такого заявленія. 4) О началѣ срока отбытія взысканія, согласно пп. 1—3 настоящихъ правилъ, Совѣтъ доводитъ до свѣдѣнія Судебной Палаты.

Въ томъ же 1909 г. по частному вопросу о воспрещеніи прис. повѣр. А. въ теченіе года отправлять обязанности повѣреннаго возбудила общій вопросъ о порядкѣ исполненія приговоровъ Московская Судебная Палата ¹⁾. Былъ собранъ обильный фактическій матеріалъ ²⁾, былъ произведенъ тщательный ана-

¹⁾ Отчетъ 1910—1911 г., стр. 22—41.

²⁾ Въ Указѣ Сената отъ 31 октября 1911 года Московской Судебной Палатѣ мы находимъ существенныя части собраннаго матеріала:

1. Старшій Предсѣдатель одной Судебной Палаты полагаетъ, что дисциплинарныя приговоры о присяжныхъ повѣренныхъ по 3 п. 368 ст. Учр. Суд. Уст. подлежатъ исполненію по вступленіи приговора въ законную силу немедленно, и что отступленія отъ этого порядка подлежали бы немедленному устраненію въ порядкѣ 250 ст. Учр. Суд. Уст., до представленія Правительствующему Сенату включительно. Практика же Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа этой Судебной Палаты въ сообщеніи не приведена.

2. Старшій Предсѣдатель другой Судебной Палаты сообщаетъ, что по обычаю, установившемуся въ Совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ округа этой Судебной Палаты, приговоры о воспрещеніи практики присяжнымъ повѣреннымъ приводятся въ исполненіе, по вступленіи въ законную силу, особыми постановленіями Совѣта о назначеніи срока для отбытія наложеннаго взысканія, при чемъ, въ случаяхъ краткосрочнаго взысканія, срокъ назначается ближайшій, въ случаяхъ же долгосрочнаго (6 мѣсяцевъ или годъ)—болѣе отдаленный со дня постановленія (черезъ мѣсяць или шесть недѣль) въ цѣляхъ предоставленія лицу, подлежащему взысканію, возможности приготовить къ тому свои дѣла. О срокѣ отбытія наложеннаго взысканія судебныя мѣста не увѣдомляютъ.

3. Согласно сообщенію Старшаго Предсѣдателя третьей Судебной Палаты, по практикѣ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа сей Палаты, подвергшійся взысканію по 3 п. 368 ст. Учр. Суд. Уст. приглашается въ Совѣтъ для объявленія ему дня, съ котораго онъ долженъ пріостановить свою дѣятельность въ качествѣ повѣреннаго и съ котораго будетъ ему считаться срокъ отбытія наложеннаго на него взысканія. При этомъ, въ случаѣ неявки присяжнаго повѣреннаго въ это засѣданіе Совѣта и неприсылки имъ объясненія, срокъ исчисляется со дня сего засѣданія, о чемъ составляется постановленіе Совѣта, объявленное немедленно присяжному повѣренному

лизъ относящихся къ вопросу узаконеній. И послѣ всесторонняго обслѣдованія Палата пришла къ выводу, что «немедленно по вступленіи въ законную силу дисциплинарнаго приговора о запрещеніи присяжному повѣренному практики или по полученіи Совѣтомъ увѣдомленія о постановленіи такого приговора Судебною Палатою Совѣтъ назначаетъ осужденному начальный срокъ отбытія этого наказанія»... Только въ томъ случаѣ, когда самъ осужденный «заявить о желаніи своемъ приступить немедленно къ отбытію наказанія», оно можетъ начаться на другой день по вступленіи въ силу приговора Палаты, но и тогда лишь въ силу особаго о томъ постановленія Совѣта, о которомъ осужденный заранее долженъ просить. Такимъ образомъ по тщательномъ изученіи вопроса, Московская Судебная Палата также признала, что органомъ, приводящимъ въ исполненіе дисциплинарные приговоры, являются Совѣты прис. повѣр. Вмѣстѣ съ тѣмъ Палата признала право Совѣта опредѣлять срокъ запрещенія практики въ предѣлахъ мѣсяца ¹⁾, независимо отъ ходатайства прис. повѣр., понесшаго кару.

путемъ посланки ему копій сего постановленія, а въ случаѣ явки присяжнаго повѣреннаго въ засѣданіе Совѣта, послѣдній либо назначаетъ началомъ срока, какъ въ первомъ случаѣ, день засѣданія Совѣта, либо предоставляетъ ему нѣкоторую отсрочку, достаточную для принятія мѣръ къ огражденію интересовъ довѣрителей, если внезапное пріостановленіе дѣятельности присяжнаго повѣреннаго можетъ вредно отразиться на порученныхъ ему дѣлахъ, наконецъ, если присяжный повѣренный, подчинившись приговору, самъ прекратилъ свою дѣятельность до явки въ Совѣтъ, признаетъ началомъ срока день дѣйствительнаго прекращенія присяжнымъ повѣреннымъ своей дѣятельности. Отсрочка отбыванія взысканія въ громадномъ большинствѣ случаевъ не превышаетъ мѣсяца. О времени, въ теченіе коего присяжный повѣренный долженъ отбывать наказаніе, Совѣтъ сообщаетъ Палатѣ.

4. По сообщенію Старшаго Предсѣдателя четвертой Судебной Палаты, Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ округа сей Палаты обыкновенно назначаетъ срокъ, съ котораго осужденный по 3 п. 368 ст. Уст. Учр. присяжный повѣренный долженъ отбыть воспрещеніе практики, не позже какъ черезъ 3 или 5 мѣсяцевъ послѣ вступленія приговора въ законную силу, о чемъ заранее объясняется осужденному. Случаевъ дальнѣйшей отсрочки не было.

Какъ о состоявшемся приговорѣ, такъ и о начальномъ срокѣ отбытія осужденнымъ наказанія, Совѣтъ увѣдомляетъ Судебную Палату и подлежащіе: Окружный Судъ и Съѣздъ мировыхъ судей.

¹⁾ Въ установленіи предѣловъ отсрочки и заключалось основное измѣненіе, внесенное Палатою, вызванное слѣдующимъ случаемъ: по сообщенію

Въ 1910 году вслѣдъ за Петроградскимъ, Одесскимъ, Московскимъ Совѣтами, вслѣдствіе возникшаго въ Харьковской Судебной Палатѣ сомнѣнія о допустимости отсрочки исполненія приговоровъ, всталъ на очередь вопросъ о порядкѣ исполненія приговоровъ и въ Харьковскомъ Совѣтѣ. Совѣтомъ былъ составленъ докладъ (Р. И. Падеревскаго), гдѣ вопросъ снова подвергся всестороннему анализу и освѣщенію. Докладъ прежде всего констатируетъ, что сомнѣнія Палаты относятся къ той практикѣ, которой до того «въ теченіе трехъ съ половиною десятковъ лѣтъ держался Харьковскій Совѣтъ»¹⁾. Необходимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ отсрочки исполненія докладъ аргументируетъ особенностями адвокатской дѣятельности и взаимоотношеніями повѣреннаго и довѣрителя. По докладу былъ принятъ слѣдующій порядокъ исполненія приговоровъ, который въ основныхъ чертахъ совпадаетъ съ порядкомъ, намѣченнымъ Московской Судебной Палатой: Харьковская Судебная Палата, 1 марта 1911 года, вынесла и przeprowadила въ Совѣтъ подробное по вопросу постановленіе. Она признала два основныхъ принципа, принятыхъ ранѣе Московской Судебной Палатой: исполненіе приговоровъ черезъ Совѣты и право Совѣтовъ отсрочить исполненіе. Тѣ измѣненія, которыя внесла Харьковская Палата въ формулу Московской Палаты и Харьковского Совѣта, касаются второстепенныхъ

Прокурора Палаты о взиманіи присяжнымъ повѣреннымъ А. чрезмѣрнаго гонорара со своего довѣрителя, при чемъ А. былъ присужденъ къ запрещенію отправлять обязанности повѣреннаго въ теченіе одного года; 6 ноября того же года приговоръ Палаты по этому дѣлу сообщенъ для исполненія Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, который срокомъ отбытія наказанія назначилъ А. промежутокъ времени съ 1 января до 1 октября 1909 г., т.-е. 9 мѣсяцевъ, засчитавъ по правиламъ о совокупности наказаній три мѣсяца запрещенія практики, отбытаго А. по другому дѣлу съ 15 марта по 15 іюня 1908 г., а затѣмъ постановленіемъ Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ отъ 9 января 1909 г. означенный срокъ отбытія А. наказанія перенесенъ съ 1 января на 1 апрѣля 1909 г. Такимъ образомъ приговоръ Общаго Собранія Департаментовъ Судебной Палаты по этому дѣлу, состоявшійся 27 октября 1904 г., оставался необращеннымъ къ исполненію съ 6 ноября 1904 г., до 1 апрѣля 1909 г., т.-е. 4 года и 5 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ въ теченіе того времени возникло новое дѣло о неправильныхъ дѣйствіяхъ того же А. (Московскій отчетъ 1910—1911, стр. 22—23).

¹⁾ Отчетъ 1910—1911 г., стр. XXII.

моментовъ: опредѣленія начальнаго момента отсрочки (п. 1) или исполненія (п. 4) и др.

Наконецъ, 31 октября 1911 года Сенатъ по ордеру Министра Юстиціи отъ 5 апрѣля, разсмотрѣвъ въ распорядительномъ засѣданіи копію приведеннаго выше постановленія Московской Палаты, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Состоявшіяся въ дисциплинарномъ порядкѣ рѣшенія о воспрещеніи присяжнымъ повѣреннымъ практики по 3 п. 368 ст. Учр. Суд. Уст. по вступленіи сихъ рѣшеній въ законную силу, за истеченіемъ срока на обжалованіе или въ случаѣ отказа отъ обжалованія, подлежатъ немедленному исполненію, для чего, если рѣшеніе постановлено Судебною Палатою, она немедленно извѣщаетъ о немъ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, который безотлагательно объявляетъ его лицу, присужденному къ временному лишенію практики.

2) Вступившее въ законную силу рѣшеніе приводится Совѣтомъ въ исполненіе вслѣдъ за полученіемъ извѣщенія Палаты, считая срокъ отбытія наказанія со дня, слѣдующаго за объявленіемъ осужденному присяжному повѣренному объ обращеніи состоявшагося о немъ рѣшенія къ исполненію.

3) Отсрочка въ исполненіи рѣшенія можетъ быть дана Совѣтомъ только по просьбѣ осужденнаго присяжнаго повѣреннаго, при доказанной имъ необходимости въ отсрочкѣ для устройства дѣлъ его довѣрителей и притомъ на срокъ не свыше одного мѣсяца.

4) О предоставленной присяжному повѣренному отсрочкѣ Совѣтъ составляетъ постановленіе съ изложеніемъ принятыхъ къ тому основаній и сообщаетъ копіи сего постановленія старшему предсѣдателю и прокурору Судебной Палаты, отъ которыхъ зависитъ осуществить лежащія на нихъ обязанности по надзору внесеніемъ въ установленномъ для сего порядкѣ на обсужденіе Общаго Собранія Департаментовъ Палаты вопроса о правильности постановленія Совѣта.

Если по существу разсмотрѣть опредѣленіе Сената и сравнить его съ отмѣненнымъ постановленіемъ Московской Палаты, то различія могутъ быть отмѣчены лишь въ смыслѣ большаго подчеркиванія Сенатомъ принципа неотложности исполненія дисциплинарнаго приговора: «подлежитъ немедлен-

ному исполненію», «немедленно извѣщаетъ», «безотлагательно объявляетъ» (п. 1). Однако, и порядокъ, устанавливаемый Сенатомъ, допускаетъ мѣсячную отсрочку «по просьбѣ осужденнаго присяжнаго повѣреннаго». Такимъ образомъ Сенатъ отмѣтилъ лишь п р а в о Совѣта давать отсрочки по собственной инициативѣ и тѣмъ самымъ сдѣлалъ ненужными указанія о порядкѣ заявленій о подчиненіи немедленному исполненію или измѣненію назначеннаго срока (п.п. 2, 3 и 4 постановленія Московской Палаты).—Въ своемъ опредѣленіи отъ 31 октября Сенатъ, между прочимъ, постановилъ: «1) ... 2) о вышеизложенномъ дать знать циркулярно всѣмъ Судебнымъ Палатамъ»; тѣмъ самымъ, казалось бы, послѣ интенсивной двухгодичной разработки по различнымъ инстанціямъ, вопросъ объ исполненіи приговоровъ получилъ наконецъ авторитетное окончательное и единообразное разрѣшеніе ¹⁾. И дѣйствительно Совѣты немедленно приступили къ согласованію своей практики съ опредѣленіемъ Сената. Указъ Сената мы находимъ въ московскомъ отчетѣ за 1910—1911 г. Саратовскимъ Совѣтомъ были выработаны правила ²⁾, вполнѣ

¹⁾ Опредѣленіе Сената, развивая тезисъ ст. 424 Учрежд. Суд. Уст. въ редакціи Комиссіи 94 г., гласитъ: вступившее въ законную силу постановленіе о запрещеніи отправлять обязанности повѣреннаго должно быть приведено въ исполненіе немедленно, но по уважительнымъ причинамъ оно можетъ быть отсрочено Совѣтомъ, не далѣе, однако, какъ на одинъ мѣсяць. «Если оно можетъ быть отсрочено Совѣтомъ, то очевидно Совѣтъ долженъ его и исполнять».

²⁾ Эти правила выражались въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) По вступленіи въ законную силу постановленія Совѣта о воспрещеніи прис. пов. и помощн. прис. пов. практики, или, по полученіи копій опредѣленія по этому поводу Судебной Палаты, предсѣдатель Совѣта немедленно вноситъ вопросъ о приведеніи такого постановленія въ исполненіе на обсужденіе Совѣта, а постановленіе этого послѣдняго немедленно же сообщается лицу, присужденному къ временному лишенію практики съ указаніемъ, что теченіе срока начинается для него со дня слѣдующаго за полученіемъ увѣдомленія.

2) Срокъ отбытія наказанія присяжному повѣренному, какъ по постановленію Совѣта, вступившему въ законную силу, такъ и по рѣшенію Судебной Палаты считается со дня слѣдующаго за объявленіемъ осужденному присяжному повѣренному объ обращеніи состоявшагося о немъ рѣшенія въ исполненіе. Для учета же времени, съ котораго долженъ считаться срокъ отбытія наказанія, извѣщеніе о приведеніи таковаго въ исполненіе сообщается

согласованныя съ приведеннымъ выше постановленіемъ Сената. Саратовская Судебная Палата постановленіемъ отъ 1 мая 1912 года признала, что правила эти «не подлежатъ измѣненію по ихъ существу, но требуютъ нѣкотораго дополненія, а именно пунктъ 3-й правилъ долженъ быть дополненъ указаніемъ въ немъ, что просьба объ отсрочкѣ должна быть заявлена Совѣту въ 3-дневный, со дня доставленія присяжному повѣренному означеннаго въ 1-мъ пунктѣ правилъ увѣдомленія, срокъ, а пунктъ 4-й, что такая просьба вносится на разсмотрѣніе Совѣта не далѣе семи дней со дня ея полученія».

Такимъ образомъ, порядокъ исполненія дисциплинарныхъ приговоровъ на основаніи дисциплинарной практики и послѣ руководящаго опредѣленія Сената отъ 31 октября 1911 года можетъ быть сведенъ къ слѣдующимъ тезисамъ.

1) Органомъ, приводящимъ въ исполненіе дисциплинарные приговоры, независимо отъ того, вынесены ли они Совѣтомъ или Палатой въ качествѣ второй инстанціи, является Совѣтъ.

2) Взысканія, предусмотрѣнныя пп. 1 и 2 (предостереженіе и выговоръ) ст. 368, приводятся въ исполненіе объявленіемъ прис. повѣр. выговора непосредственно или путемъ посылки копій постановленія Совѣта.

3) Исключеніе изъ сословія и запрещеніе практики по общему правилу приводится въ исполненіе Совѣтомъ немедленно по вступленіи приговора въ законную силу, или, если постановленіе Совѣта обжаловано въ Палату, по полученіи Совѣтомъ извѣщенія Палаты. Въ видѣ исключенія, по особому ходатайству подвергшагося запрещенію практики, допускается отсрочка въ исполненіи этого взысканія на срокъ не свыше мѣсяца.

Эти положенія, въ общемъ сузившія право Совѣта по исполненію дисциплинарныхъ приговоровъ главнымъ образомъ въ отношеніи отсрочекъ, казалось бы, съ другой стороны, укрѣпили основной выводъ, присущій и старому и новому порядку:

присяжному повѣренному заказной корреспонденціей съ обратной распиской.

3) Отсрочка въ исполненіи рѣшенія, просьба о которой должна быть заявлена въ трехдневный срокъ со дня полученія увѣдомленія (п. 1), можетъ быть дана Совѣтомъ только по просьбѣ подвергнутаго дисциплинарному взысканію присяжнаго повѣреннаго.

если органомъ исполненія является Совѣтъ, то до того момента, пока нѣтъ постановленія Совѣта объ обращеніи приговора къ исполненію, взысканіе не можетъ почитаться начатымъ, до того момента, слѣдовательно, ни одно учрежденіе не можетъ считать прис. повѣр. исключеннымъ изъ сословія или подвергшимся запрету практики и на этомъ основаніи устранять отъ дѣла.

Къ сожалѣнію, самое послѣднее время, обнаруживъ прочность тѣхъ положеній, которыя были введены для ограниченія власти Совѣтовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показало, что незыблемость этого вывода подвержена сомнѣніямъ: 24 февраля 1915 года Петроградскій Военно-Окружный Судъ отстранилъ отъ защиты прис. повѣр. К. и С., которымъ опредѣленіемъ Общаго Собранія Департаментовъ Палаты отъ 21 февраля была воспрещена практика на годъ, хотя Совѣтомъ еще не было сдѣлано постановленія объ обращеніи приговора къ исполненію. Признавъ до Совѣта и помимо Совѣта, что отбытіе наказанія для присяжныхъ повѣренныхъ К. и С. уже началось, что уже въ силу опредѣленія Палаты отъ 21 февраля они не въ правѣ быть защитниками, Петроградскій Военно-Окружный Судъ дѣйствовалъ въ противорѣчій со всей предшествовавшей совѣтской практикой, опредѣленіями Палатъ, компетентнымъ разъясненіемъ Сената и исполнялъ функціи, которыя закономъ возложены на Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ ¹⁾.

§ 6. Обжалованіе дисциплинарныхъ приговоровъ.

1. С у б ъ е к т ы о б ж а л о в а н і я. Согласно ст. 376 Учр. Суд. Уст. «на всѣ постановленія Совѣта, кромѣ подвергающихъ прис. повѣр. предостереженію или выговору, могутъ быть приносимы жалобы Судебной Палатѣ». Выдѣленіе постановленій о предостереженіи или выговорѣ, т.-е. взысканій наиболѣе легкихъ, опредѣленно указываетъ, что законъ въ этой части имѣетъ въ виду подвергшихся взысканію членовъ сословія. Съ другой стороны, протестъ прокурора непосредственно преду-

¹⁾ См. мою статью «Устраненіе отъ защиты» въ «Вѣстникъ Права» 1915 г. № 10.

смотрѣнь въ второй частью ст. 376. Такимъ образомъ въ качествѣ субъектовъ обжалованія законъ знаетъ *п о н е с ш а г о к а р у п р и с . п о в ѣ р . и п р о к у р о р а*. Возникаетъ вопросъ можетъ ли въ качествѣ субъекта обжалованія быть *ж а л о б щ и к ъ* по дѣлу (частное лицо или членъ сословія). Въ первые годы по введеніи Судебныхъ Уставовъ въ дисциплинарной практикѣ наблюдались по этому вопросу нѣкоторыя колебанія. Въ виду невыясненности природы дисциплинарнаго суда казалось неправильнымъ отступать при производствѣ дисциплинарныхъ дѣлъ отъ основного принципа судебного разбирательства—права обѣихъ сторонъ на обжалованіе. Петроградскій Совѣтъ поэтому въ первомъ пятилѣтіе постоянно принималъ отъ частныхъ лицъ жалобы, представлялъ ихъ въ Палату, которая въ свою очередь эти жалобы разсматривала ¹⁾. Лишь въ 1871 ²⁾ году опредѣленіемъ Общаго Собранія Петроградской Палаты этотъ порядокъ былъ измѣненъ и нынѣ въ дисциплинарной практикѣ можно отмѣтить нѣсколько случаевъ, когда въ особо мотивированныхъ постановленіяхъ Совѣта высказываются противъ принятія жалобъ третьихъ лицъ.

Въ 1881 году по частному вопросу—о возстановленіи коллежскому совѣтнику Х. срока на обжалованіе опредѣленія Совѣта отъ 2 января 1881 года *М о с к о в с к і й* Совѣтъ нашелъ необходимымъ разрѣшить общій вопросъ: «имѣютъ ли частныя лица право на обжалованіе постановленій Совѣта, состоявшихся по дѣламъ дисциплинарнымъ?» Совѣтъ нашелъ, что о правѣ обвинителей, частныхъ лицъ, на обжалованіе дисциплинарныхъ постановленій Совѣта въ законахъ не упоминается. Общимъ Собраніемъ Кассационныхъ Департаментовъ Сената въ рѣшеніи по дѣлу присяжнаго повѣреннаго Павелько (Сборникъ за 1879 г., № 21) признано также, что право обжалованія дисциплинарныхъ постановленій Совѣта принадлежитъ только прокурору и обвиняемымъ ³⁾.

Въ 1905 году *О д е с с к і й* Совѣтъ вслѣдствіе поданной въ Палату частнымъ лицомъ жалобы на медленность въ произ-

¹⁾ Макалинскій, стр. 288.

²⁾ Аналогично О. С. 79, № 21.

³⁾ Отчетъ Московск. Совѣта 1881—1882 г., стр. 73.

водствѣ дисциплинарныхъ дѣлъ счелъ, съ своей стороны, также необходимымъ остановиться на общей допустимости подобныхъ жалобъ. Въ подробно мотивированномъ постановленіи Совѣтъ привелъ принципиальныя соображенія въ пользу недопустимости частныхъ жалобъ. «Совѣтъ», говорится въ этомъ постановленіи ¹⁾, «учрежденъ въ интересахъ сословія, имѣя задачей развитіе высокаго нравственнаго идеала въ средѣ повѣренныхъ. Для достиженія этой цѣли ему дана дисциплинарная власть. Черпать источники своего контроля надъ дѣйствіями присяжныхъ повѣренныхъ Совѣтъ можетъ отовсюду, возбуждая дисциплинарное производство, какъ по жалобамъ частныхъ лицъ, такъ и по своему усмотрѣнію (Общ. Соб. 1868 г. № 903 и 1881 г. № 24), и требуя отъ повѣреннаго объясненій по всякаго рода свѣдѣніямъ, какимъ бы путемъ таковыя ни дошли до Совѣта». Но частная жалоба «лишь одно изъ средствъ для достиженія возможно полнаго контроля Совѣта за дѣятельностью сословія». Она поэтому не опредѣляетъ задачи Совѣта. Последняя заключается въ дисциплинарномъ разслѣдованіи, а «не въ возмѣщеніи убытковъ частныхъ лицъ, достигаемомъ, согласно 374 ст. Учр. Суд. Уст., въ порядкѣ гражданскаго суда. Въ 1905 году, въ виду того, что въ теченіе отчетнаго 1904—1905 года было семь случаевъ принесенія жалобщиками жалобъ въ Совѣтъ для представленія въ Судебную Палату (Петроградскій Совѣтъ), Совѣтъ снова вернулся къ вопросу о возможности со стороны обвинителей такого принесенія жалобъ и снова разрѣшилъ его въ отрицательномъ смыслѣ. Въ мотивированномъ по этому вопросу постановленіи Совѣтъ отмѣчаетъ ²⁾, что «такое изъясненіе ст. 376 Учр. Суд. Уст. вполне согласуется и съ существомъ предоставленной Совѣту власти, которая заключается въ обязанности и правѣ Совѣта имѣть надзоръ за членами корпораціи, а также съ установленною по разсматриваемому вопросу практикою какъ Совѣта, такъ и Судебной Палаты. Надзоръ Совѣта, по самому существу своему, исключаетъ всякое постороннее вмѣшательство и можетъ подлежать провѣркѣ лишь тѣхъ лицъ и учреждений, коимъ такая

¹⁾ Отчетъ 1903—1905 г., стр. 53—54.

²⁾ Отчетъ 1904—1905 г., стр. 48—49.

спеціально предоставлена, и притомъ только въ опредѣленномъ въ законѣ порядкѣ и случаяхъ».

Наконецъ, точка зрѣнія, усвоенная Совѣтами по вопросу о правѣ третьихъ лицъ на жалобы, получила недавно новое подтвержденіе. (См. опредѣленіе Одесской Судебной Палаты 24 іюня 1913 года)¹⁾.

2. Предѣлы обжалованія. Каждая жалоба, направленная противъ члена сословія, должна завершиться

¹⁾ Отчетъ 1913 г., стр. 121—122.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ рѣшается и частный вопросъ о правѣ жалобщиковъ на полученіе копій.

Въ двухъ случаяхъ лица, приносившія жалобы, просили Петроградскій Совѣтъ о выдачѣ имъ копій съ объясненій, поданныхъ въ Совѣтъ присяжными повѣренными или помощниками присяжныхъ повѣр. Совѣтъ оставилъ ходатайство безъ удовлетворенія, принимая во вниманіе, что «по дѣламъ, производящимся въ порядкѣ дисциплинарномъ, копій изъ дѣла могутъ быть выдаваемы только лицамъ, привлеченнымъ къ дѣлу, а не постороннему лицу, хотя бы и жалобщику». (Отч. 1904—1905, стр. 48.) Мотивировку этого постановленія далъ Харьковскій Совѣтъ. Жалобы постороннихъ лицъ на присяжныхъ повѣренныхъ принимаются Совѣтомъ къ производству въ порядкѣ надзора, принадлежащаго Совѣту въ отношеніи дѣятельности подвѣдомственныхъ присяжныхъ повѣренныхъ (2 п. 367 ст. Учр. Суд. Устан.)—съ цѣлью разрѣшить вопросъ, не представляется ли въ дѣйствіяхъ повѣреннаго основаній для привлеченія его къ отвѣтственности (8 п. той же 167 ст. Учрежденія); въ производствахъ такого рода, происходящихъ преимущественно, если не исключительно, въ интересахъ закона, общества и достоинства сословія повѣренныхъ, жалобщики не могутъ быть признаваемы участвующими въ дѣлѣ лицами, какъ признано Правительствующимъ Сенатомъ по Общему Собранію Департаментовъ за 1879 г. № 21 по дѣлу Гоголь-Яновской; лицамъ, интересы которыхъ пострадали отъ неправильныхъ дѣйствій присяжныхъ повѣренныхъ, законъ (ст. 404 Учр. Суд. Устан.) указываетъ обращаться для возстановленія своихъ правъ къ подлежащему суду, не обусловливая ихъ права судебной защиты предварительнымъ обращеніемъ съ жалобой въ Совѣтъ, и что опредѣленія Совѣта, постановленныя въ дисциплинарномъ порядкѣ, не стѣсняютъ и судъ при разсмѣрѣніи претензій къ присяжнымъ повѣреннымъ, предъявленныхъ въ порядкѣ исковомъ (рѣшеніе Гр. Кас. Деп. 1879 г. №№ 55 и 285). Практика Совѣта въ означенномъ отношеніи была предметомъ обсужденія Харьковской Судебной Палаты въ тѣхъ случаяхъ, когда на отказъ Совѣта въ выдачѣ жалобщикомъ копій постановленій, состоявшихся въ порядкѣ надзора, принесены были жалобы со стороны заинтересованныхъ лицъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Судебная Палата оставила жалобы на Совѣтъ безъ послѣдствій. (Отчетъ 1890—1891 г., стр. 14—15).

однимъ изъ слѣдующихъ постановленій: подвергнуть обвиняемаго взысканію, дисциплинарному взысканію не подвергать, дисциплинарное производство прекратить и, наконецъ, въ-четвертыхъ, «дисциплинарнаго производства не возбуждать». Правильная постановка вопроса о предѣлахъ дисциплинарнаго обжалованія должна имѣть въ виду всѣ три указанныя формулы.

Въ отношеніи обвиняемаго, привлеченнаго къ дисциплинарной отвѣтственности, поставленный вопросъ не вызываетъ сомнѣній. Согласно прямому указанію ст. 376 обвиняемый можетъ обжаловать лишь тѣ постановленія, которыя подвергаютъ его запрету практики или исключенію изъ сословія. Сложнѣе представляется вопросъ о предѣлахъ протеста прокурора.

Согласно ст.ст. 370 и 376 «протесты прокуроровъ допускаются»... только противъ постановленій Совѣта «относительно взысканія съ присяжныхъ повѣренныхъ, или освобожденія отъ онаго». Отсюда непосредственно вытекаетъ, что протестъ прокурора можетъ быть направленъ противъ опредѣленнаго Совѣтомъ взысканія и противъ освобожденія вовсе отъ взысканія.

Слѣдовательно, какое бы по существу предъявленнаго обвиненія постановленіе ни вынесъ Совѣтъ, оно можетъ быть опротестовано прокуроромъ. Въ этомъ смыслѣ права прокурора шире правъ обвиняемаго. Но они оба ограничены постановленіями по существу: Совѣтъ долженъ войти въ разсмотрѣніе предъявленнаго обвиненія, взвѣсить доказательства и разрѣшить вопросъ о взысканіи, словомъ, вынести приговоръ, и лишь тогда—будь онъ оправдательный или обвинительный—онъ можетъ быть опротестованъ въ Палату. Слѣдовательно, постановленія «дисциплинарнаго производства не возбуждать» не могутъ служить основаніемъ для протеста. Это вытекаетъ и изъ текста ст. 376, устанавливающей, что «протесты прокурора допускаются только противъ постановленій, означенныхъ выше въ ст. 370, и изъ ст. 370, предписывающей сообщать прокурору лишь копіи постановленія «относительно взысканія или освобожденія отъ онаго». Поэтому съ полнымъ основаніемъ «правила производства» дисциплинарныхъ

дѣлъ Одесскаго Совѣта устанавливаютъ, что Совѣтъ сообщаетъ прокурору Судебной Палаты копію своего окончательнаго постановленія лишь въ случаяхъ возбужденія дисциплинарнаго производства ¹⁾).

Въ случаяхъ принятаго Совѣтомъ постановленія о невозбужденіи дисциплинарнаго производства лишь Палата, примѣнительно къ ст. 272 прим., можетъ предложить Совѣту возбудить дисциплинарное разслѣдованіе и вынести приговоръ по существу.

К а с с а ц і о н н о е о б ж а л о в а н і е. До 1885 года вопросъ о правѣ присяжнаго повѣреннаго обжаловать въ кассационномъ порядкѣ рѣшенія Палаты по дисциплинарнымъ дѣламъ не вызывалъ сомнѣній. Какъ справедливо указано въ постановленіи Харьковскаго Совѣта, «право это признавалось не потому, чтобы оно было прямо установлено въ законѣ,—а очевидно потому, 1) что молчаніе закона по этому вопросу, само по себѣ, не могло означить, будто права обжалованія тѣхъ рѣшеній не существуетъ: вообще законъ не исчисляетъ всѣхъ тѣхъ постановленій судебныхъ мѣстъ, на которыя могутъ быть приносимы жалобы въ высшую инстанцію, а потому вопросъ о возможности обжалованія не разрѣшается исключительно текстомъ относящихся сюда законовъ; 2) потому, что по общему принципу всѣ вообще постановленія второй инстанціи, заканчивающія производство по какому-либо вопросу и особенно по существу какого-либо дѣла, могутъ быть обжалованы въ кассационномъ порядкѣ, и 3) потому, что представлялось вполнѣ несправедливымъ лишить присяжныхъ повѣренныхъ столь существенной гарантіи правильнаго разрѣшенія дисциплинарныхъ о нихъ дѣлъ, имѣющихъ для нихъ громадное и иногда роковое значеніе (см. объясненія къ 291 ст. Учр. Суд. Уст. по изд. госуд. канц.), когда эта гарантія представлена всѣмъ тяжущимся даже и въ самыхъ маловажныхъ имущественныхъ дѣлахъ». Такимъ образомъ право кассационнаго обжалованія покоилось не на прямомъ указаніи законодателя, а на общемъ разумѣ

¹⁾ Московскій Совѣтъ сообщаетъ прокурору копіи *мотивированныхъ* постановленій, и такъ какъ въ послѣднее время по предложенію Палаты Совѣтъ мотивируетъ и постановленія о прекращеніи дисциплинарнаго производства, то копіи сообщаются прокурору и съ этихъ постановленій.

законовъ о порядкѣ обжалованія. При такихъ условіяхъ, казалось бы, что ссылка въ частности на ст. 291 и примѣненіе ея по аналогіи могла служить «только внѣшнимъ формальнымъ основаніемъ» для признанія права присяжнаго повѣреннаго приносить кассационныя жалобы, «права и безъ того несомнѣннаго». Ссылка на ст. 291, приводимая въ подтвержденіе права присяжнаго повѣреннаго обжаловать рѣшеніе Палаты, дѣлалась, какъ указываетъ въ упомянутомъ постановленіи Харьковскій Совѣтъ, «ради редакціоннаго удобства, а вовсе не потому, чтобы право то было основано именно на ст. 291, и чтобы помимо этого закона оно не могло быть обосновано (срав. Сборн. касс. рѣш. Гражд. Касс. Д-та 1867 г. № 341 по дѣлу Богданова и Уг. Касс. Д-та 1868 г. № 201 по дѣлу Богданова). А признаніе того, что 291 ст. не имѣла прямого примѣненія къ дисциплинарнымъ дѣламъ о присяжныхъ повѣренныхъ,—заключается въ рѣшеніяхъ Общаго Собранія Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, въ которыхъ по поводу 273 ст. Учр. Суд. Уст. разъяснено, что указаніе на то, будто къ присяжнымъ повѣреннымъ должны быть примѣняемы всѣ правила о производствѣ дисциплинарныхъ взысканій, въ статьяхъ 262—292 установленныя, не заслуживаетъ уваженія; ибо означенныя статьи помѣщены въ отдѣлѣ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, къ числу которыхъ присяжные повѣренные отнесены быть не могутъ, и потому еще, что между взысканіями, коимъ должностныя лица судебного вѣдомства могутъ быть подвергаемы въ порядкѣ дисциплинарнаго производства, и тѣми, коимъ Совѣтъ имѣетъ право своею властью подвергать присяжныхъ повѣренныхъ, есть существенное различіе (Сбор. 1881 г. № 53 по дѣлу Авксентьева и др.)».

Эти соображенія, казалось бы, съ полной убѣдительностью эмансипируютъ право кассационнаго обжалованія отъ ст. 291, какъ его основанія. Сенатъ, однако, сталъ на другую точку зрѣнія.

20 мая 1885 года была отмѣнена ст. 291 Учр. Суд. Уст. Вслѣдъ за этимъ уже въ 1886 г. Сенатъ разъяснилъ, что «право присяжныхъ повѣренныхъ на принесеніе кассационныхъ жалобъ на окончательныя рѣшенія Судебныхъ Палатъ по дисциплинарнымъ о нихъ производствамъ было признано Правительствующимъ

щимъ Сенатомъ лишь примѣнительно къ порядку, установленному для дисциплинарнаго производства о дѣйствіяхъ лицъ судебного вѣдомства, а такъ какъ закономъ 20 мая 1885 г. этотъ послѣдній порядокъ измѣненъ и ст. 291 Учр. Суд. Уст., допускавшая подачу кассационныхъ жалобъ или просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній Судебныхъ Палатъ отмѣнена, то, очевидно, не представляется затѣмъ никакого законнаго основанія къ допущенію таковыхъ жалобъ или просьбъ по дисциплинарнымъ дѣламъ о присяжныхъ повѣренныхъ»¹⁾.

Выше уже было отмѣчено, съ какими существенными ограниченіями возможна аналогія между дисциплинарнымъ производствомъ о присяжныхъ повѣренныхъ и чинахъ судебного вѣдомства. Она въ особой мѣрѣ непримѣнима въ отношеніи о б ж а л о в а н і я приговоровъ, ибо дисциплинарныя взысканія, налагаемыя на присяжнаго повѣреннаго, весьма разнятся отъ взысканій, налагаемыхъ на судебныхъ чиновъ. Достаточно отмѣтить, что даже равносильному съ исключеніемъ со службы наказанію (1 п. 65 и 66 ст. Уст. о Нак.), т.-е. исключенію изъ сословія, присяжные повѣренные подвергаются въ дисциплинарномъ порядкѣ. При такой близости дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ на присяжныхъ повѣренныхъ, съ уголовными н а к а з а н і я м и²⁾ и общемъ допущеніи кассационнаго обжалованія уголовнымъ приговоромъ, кажется «явно несправедливымъ и несоотвѣтствующимъ ни общему разуму и духу законовъ, ни прежнему направленію сенатской практики лишить присяжныхъ повѣренныхъ возможности обжаловать состоявшіяся о нихъ постановленія Судебныхъ Палатъ»³⁾. Харьковскій Совѣтъ сдѣлалъ попытку измѣнить новый порядокъ. Имѣя въ виду, что эта новая практика Правительствующаго Сената можетъ крайне тяжело отозваться на судьбѣ отдельныхъ членовъ присяжной адвокатуры, что она можетъ вызвать чрезвычайное разнообразіе въ установленіи и примѣненіи Судебными Палатами понятій о правахъ и обязанностяхъ при-

¹⁾ О. С. 1886, № 7.

²⁾ Самъ Сенатъ признавалъ, что постановленія Совѣтовъ и Палатъ о взысканіяхъ, налагаемыхъ на прис. пов., «по существу своему представляются уголовными приговорами».

³⁾ Г. К. Д. 1867, № 341.

сяжныхъ повѣренныхъ и принциповъ сословной морали, что устраненіе Правительствующаго Сената отъ исполненія принадлежащихъ ему функцій (5 ст. Учр. Суд. Уст.) въ дисциплинарныхъ дѣлахъ о присяжныхъ повѣренныхъ не вызывается текстомъ относящагося до нихъ закона 20 мая 1885 года и не оправдывается общимъ разумомъ законовъ, не допускающимъ и мысли, что постановленія, которыя по существу своему представляются уголовными приговорами, могли стоять внѣ контроля Правительствующаго Сената,—Совѣтъ призналъ настоятельно необходимымъ пересмотръ вопроса о правѣ обжалованія рѣшеній Судебныхъ Палатъ по дисциплинарнымъ дѣламъ о присяжныхъ повѣренныхъ. Поэтому и руководствуясь 259 ст. Учр. Суд. Уст., Совѣтъ опредѣлилъ: просить г. старшаго предсѣдателя Харьковской Судебной Палаты представить г. Министру Юстиціи ходатайство Совѣта, чтобы былъ подвергнутъ пересмотру въ Правительствующемъ Сенатѣ вопросъ о правѣ присяжныхъ повѣренныхъ приносить кассационныя жалобы на состоявшіяся по дисциплинарнымъ о нихъ дѣламъ постановленія Судебныхъ Палатъ (Отч. за 1887—88 г., стр. 16—20). Порядокъ остался, однако, неизмѣненнымъ. Такимъ образомъ въ настоящее время, вопросъ о кассационномъ обжалованіи дисциплинарнаго приговора Палаты имѣетъ не догматическій, а исключительно историческій интересъ.

Въ 1895 году (рѣш. 4 мая) Общее Собраніе Сената нашло, что «хотя на опредѣленія Судебныхъ Палатъ, состоявшіяся по жалобамъ на постановленіе Окружныхъ Судовъ въ качествѣ Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, не могутъ быть приносимы кассационныя жалобы, но это обстоятельство не лишаетъ присяжнаго повѣреннаго права подавать жалобы непосредственно въ Правительствующій Сенатъ въ порядкѣ надзора». Въ 1905 г. Сенатъ разъяснилъ, что въ порядкѣ надзора могутъ быть напр., отмѣнены наложенныя взысканія, «если въ поступкахъ не наблюдается признаковъ предосудительности»¹⁾. Думается, что такого рода разсмотрѣніе дѣла по существу въ большей мѣрѣ способно колебать устойчивость дисциплинарныхъ приговоровъ, чѣмъ право кассационнаго обжалованія.

¹⁾ Сборникъ Щетинина № 113, С. И. 3 марта 1905 г.

§ 7. Возобновленіе дисциплинарныхъ дѣлъ.

Пересмотра дисциплинарныхъ дѣлъ, въ смыслѣ вторичнаго производства по дѣлу, по общему правилу быть не можетъ. Подобный пересмотръ рѣшеній лишилъ бы ихъ всякой твердости и постоянства, необходимыхъ для судебныхъ рѣшеній тѣмъ болѣе, что постановленія о наложеніи на присяжнаго повѣреннаго взысканій, означенныхъ въ 3—5 п. 368 ст. Учр. Суд. Уст., могутъ быть обжалованы обвиненными присяжными повѣренными Судебной Палатѣ. Но при извѣстныхъ условіяхъ по аналогіи съ порядкомъ, дѣйствующимъ въ уголовномъ судѣ, возможно в о з о б н о в л е н і е дисциплинарныхъ дѣлъ. Возобновленію могутъ подлежать дѣла, по коимъ рѣшенія вошли въ законную силу и на основаніи вновь открывшихся обстоятельствъ. Въ 1912 году Петроградскій Совѣтъ формулировалъ это положеніе въ слѣдующемъ журнальномъ постановленіи: «пересмотръ постановленій Совѣта по дисциплинарнымъ дѣламъ допускать лишь въ случаяхъ просьбы о пересмотрѣ постановленія Совѣта, вошедшаго въ законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствамъ» ¹⁾. Такого же порядка придерживается и Московскій Совѣтъ.

А. Тройнинъ.

¹⁾ Отчетъ 1911—1912 г., стр. 134. Журн. 28 апрѣля 1912 г.